

ДРУГИЕ
МИРЫ

Алиса Дорн

РЕКТОР
НЕ ВХОДИТЬ

ИНСТИТУТ МОИХ
КОШМАРОВ

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДРАКОНЫ

Annotation

Сначала все было хорошо. Я подала документы на поступление в пять вузов и стала ждать ответа. И он пришел. Из шестого. В который я ничего не посылала.

Так я попала в ГООУПиОАатСДиРН – университет, будто бы созданный из моих ночных кошмаров. Здесь учеба превращается в игру на выживание, компьютерный вирус может призвать Ктулху, вашим соседом по комнате окажется вампир или оборотень, а еще... здесь водятся драконы.

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

© А. Дорн, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Hic sunt dracones («Здесь обитают драконы») – надпись, которую наносили на средневековые карты для обозначения опасных и неизученных территорий.

*В жизни всегда есть место страху.
И, соответственно, подвигу.*

Макс Фрай

Глава 1. Соседка по комнате и прочие неприятности

Вначале все было хорошо. Я подала документы на поступление в пять университетов и стала ждать ответа. И он пришел. Из шестого. В который я ничего не посылала...

Сказать, что я удивилась, – значит ничего не сказать, однако недолгий поиск по интернету подсказал, что ФООУ ГООУПиОАатСДиРН (кто додумался до этой аббревиатуры, и что она значила?! На этот вопрос всемирная паутина не смогла дать ответ) числился в списках лучших учебных заведений страны в области естественных наук и даже попал в несколько международных рейтингов. Все выглядело так радужно и достоверно (мне уже тогда следовало насторожиться – в жизни обычно бывает либо первое, либо второе), что я начала сомневаться: а вдруг я все-таки отправляла туда документы и забыла? Хотя еще утром я была совершенно уверена, что ни о каком ГООУПит... (да в этом названии черт ногу сломит!) никогда не слышала. Было двадцать четвертое августа, сроки доставки результатов из всех университетов моего списка давно вышли. Мне ничего не ответили. В принципе, иного я и не ожидала, если учесть, что в выпускном классе учебу я по глупости забросила, но надежда умирает последней. Вдруг в этом году демографическая яма, и отличников будет так мало, что даже меня с моим далеко не самым красным аттестатом примут? Не приняли. Оставался последний шанс на получение высшего образования в этом году: пресловутый ГООУПиО... Короче, вы поняли.

И я согласилась. Лучше неизвестный мне до сегодняшнего утра вуз с подозрительно хорошей репутацией, чем статус человека, поступившего в институт со второй попытки. Стоило только представить родительское сочувствие и ленту друзей в «Фейсбуке» и «Инстаграме», оживленно делящуюся впечатлениями студенческой жизни, как я, стиснув зубы, отправилась на почту с письменным подтверждением того, что я, Наталья Николаевна Соколова, принимаю предложение ГООУ (остановимся на этом). Ждите меня первого сентября.

Теперь мой путь лежал на Москву. Точнее, на ее далекую и малозаселенную окраину, где располагался студ городок. Нанятое за бешеные деньги на вокзале такси вывезло меня за пределы спальных районов, перевезло через лес и остановилось у шлагбаума.

– Добрый день, – протянула я охраннику паспорт и приглашение.

– Добрый, – ответил мне мужчина лет сорока. – Новая студентка?

– Как видите, – развела я руками. – Можно нам проехать? А то в багажнике чемоданы...

Охранник добродушно усмехнулся в пышные усы.

– Бросайте их здесь, отнесут. А дальше лучше пешочком...

Пришлось повиноваться. Выгрузив сумки из машины, я расплатилась с таксистом и помахала ему вслед, задумчиво глядя на темный еловый лес, в котором скрылась машина. Надо будет узнать, как отсюда до города добираться. Должен же, несмотря на необжитой и мрачный пейзаж, автобус здесь ходить.

– А куда идти-то? – спохватилась я.

– Прямо, девушка, прямо. Да вы там увидите, заблудиться невозможно. А о вещах не беспокойтесь, все сейчас в общежитие занесем, прямо в комнату.

Пожав плечами, я отправилась в путь. Некоторое время лес продолжался и по эту сторону забора, узкая вытоптанная тропинка извивалась между деревьями, заставляя вспомнить «Красную Шапочку». Тот факт, что я была в красной ветровке, только добавлял

сходства. Я нервно хихикнула и постаралась выбросить сказки из головы. Внезапно тропа закончилась. Прямо передо мной, окруженный идеальным английским газоном, стоял готический особняк этажей в шесть высотой. Нет, конечно, в России до революции было много аристократов с причудами, и про русскую псевдоготику я тоже читала, но увидеть своими глазами под Москвой увеличенное в размерах аббатство Даунтон^[1] было неожиданно. Зато сразу стало понятно, почему охранник на КПП сказал, что заблудиться не получится.

Я направилась было к зданию, но наткнулась на еще одно препятствие. Тропинка закончилась. А прорубить в газоне хоть одну дорожку никто не удосужился. Приглядевшись, я заметила у края изумрудно-зеленого травяного ковра две таблички. На одной было написано «По газону ходить». Соседняя гласила: «Драконов не выгуливать». Улыбнувшись неизвестному шутнику, я занесла над травой ногу – и тут непонятно откуда появилось чудовище! Во всех смыслах этого слова: серо-зеленую кожистую тушу, стоявшую на двух ногах, венчала продолговатая голова, восемьдесят процентов которой составляли челюсти. С большими такими, острыми и изогнутыми зубами в количестве, близком к неограниченному. Обнаружив меня, монстр радостно оскалился и протянул вперед верхние лапы с внушающими уважение (да-да, уважение, а не ужас) когтями.

Я судорожно сглотнула и отступила назад. Чудищу это понравилось. Раскрыв пасть еще шире, оно всем корпусом подалось вперед и двинулось на меня.

– Спасите! – безо всякой надежды взвизгнула я, поворачиваясь с намерением дать отсюда деру.

Лучше бы я этого не делала. То, что я увидела, было страшнее любого непонятно откуда вылезшего дromeозаврида.

Не было никакого леса. Никакого пропускного пункта с усаатым охранником. Ничего.

Перед моими глазами развернулась бескрайняя пустыня. Не такая, как в арабских сказках, с живописными дюнами и оазисами. Скорее, как в фильмах про Мексику: выжженная, потрескавшаяся от сухости земля до самого горизонта, серые то ли от ветра, то ли от солнца колючки и... кактусы.

Забыв о преследовавшем меня динозавре, я подошла к ближайшей опунции и дотронулась до нее. Сразу же отдернула руку – надо же, укололась.

Словно во сне я смотрела на проступавшие на пальцах капельки крови. Кололся кактус как настоящий, даже сильнее.

Позади раздался рык чудовища, кто-то закричал...

Но меня это уже не интересовало. Впервые в жизни в глазах потемнело, и я упала в спасительный обморок.

– Ну и что это такое? – требовательно спросили у меня над ухом.

В другое ухо что-то пробурчали.

– Твоя новая соседка по комнате, – сумел разобрать мой не до конца очнувшийся мозг.

– И уже в таком состоянии? – хохотнули справа. – Ну? Что прикажешь с ней делать? Ты же знаешь, я люблю девушек, но в несколько другом смысле...

– Не смей! – рявкнули слева, да так, что я вздрогнула и распахнула глаза.

Склонившаяся надо мной мрачного вида брюнетка криво усмехнулась и отошла в сторону. Скрип старых пружин подсказал, что дошла она только до соседней кровати.

– Ты очнулась! – радостно прошебетал голос, только что доказавший свою способность

давать команды Церберу (и тот бы послушался! Еще бы и хвостом повилял, лишь бы не тронули). – Замечательно. Меня зовут Нора, я главная по этому этажу. Не бойся обращаться ко мне со всеми своими проблемами, с мальчиками, с девочками...

Я повернула голову, брюнетка снова ухмыльнулась мне в ответ. Мне показалось, или зубы у нее были какие-то подозрительно белые и крупные, прямо как у волка в сказке про Красную Шапочку? В любом случае мои подозрения подтвердились: как минимум с одной девочкой проблемы у меня будут.

– ...С учебой. В общем, со всем, – заключила жизнерадостная блондинка с бейджем «Леонор» на груди. – Не стесняйся, я здесь для того, чтобы тебе было уютно.

В таком случае девушка плохо выполняла свою работу. Сейчас, под взглядом хмурой соседки, мне было чертовски неудобно. И вообще, что за приоритеты? Сначала, значит, мальчики, а учеба только на третьем месте?

– А... – функция «составить простое предложение» у мозга еще не включилась.

– Ты в общежитии. Это твоя комната, – услужливо подсказали мне.

Не то.

– А...

– Сегодня первое сентября две тысячи... года.

Опять не то.

– Тебя зовут Наташа Соколова, – с ноткой безнадежности попыталась угадать, что я хочу, Нора.

– Да знаю я, как меня зовут!

Вот, честно, сама от себя не ожидала. Не иначе как шоковое состояние сказалось: по децибелам и степени угрозы в голосе мне удалось переплунуть блондинку, хотя казалось, что это невозможно. Все еще в шоке, я услышала, как от моего крика задрезжал стоявший на комоде стакан, а на стене покачнулся висевший в рамке плакат с усыпанным цветочками черепом. Брюнетка на мгновение отвлеклась от созерцания своих ногтей и впервые посмотрела на меня с интересом.

«Главное, не с гастрономическим», – шепнул мозг и снова затих.

– Что здесь происходит? Там правда был динозавр на улице? Почему тут пустыня, я же на окраине Москвы? Где я?

Последняя фраза прозвучала даже жалобно, стихая на середине до полусшепота. Я уже поняла, что ни о какой Москве не могло быть и речи – всем известно, что там плохая экология, но не настолько, чтобы в умеренно-континентальном климате на улицах... на отсутствии улиц... росли кактусы!

Блондинка задумалась, как бы сообщить мне необходимую информацию.

– Ты в ГООУПиОАатСДиРН, – я прямо восхитилась, когда она выдала все эти буквы на одном дыхании и ни разу не перепутала их. – Это Софи, твоя новая соседка. Она тебе все объяснит... И там был дракон, а не динозавр.

Прощебев это, главная по этажу смылась с такой скоростью, что я не успела возмутиться. И моя новоявленная соседка тоже. Мы обменялись сочувствующими взглядами и, кажется, пришли к негласному перемирию. По крайней мере, она мне даже улыбнулась... Хотя лучше бы этого не делала! На всякий случай я отползла в угол кровати.

– Значит, Наташа, – резюмировала брюнетка, поглядывая на меня с любопытством.

Я отважно кивнула.

– Тяжело тебе будет, – прежде чем я успела спросить почему (подсознание советовало не

спешить и намекало, что ответ мне не понравится), она протянула руку. – София Кэпряну.

– Очень приятно...

– Сомневаюсь, – хмыкнула София. – Это комната № 696 женского крыла главного общежития ГООУПиОАатСДиРН. – Еще одна, выучившая без ошибки. Интересно, я к выпуску тоже смогу? Стоп, какой выпуск? Бежать надо отсюда! – Лови ключи.

Я и поймала. На колечке громко звякнули два ключа (один из них, судя по виду, открывал амбар... старинный такой амбар, замок которого был размером с мою голову и проржавел веков пять назад) и брелок в виде пентаграммы.

– За вещи свои не беспокойся, мы их разобрали, пока ты валялась в отключке, – продолжала соседка как ни в чем не бывало.

Разобрали. То-то мне ее блузка в синий цветочек сразу знакомой показалась...

– Что же касается твоего вопроса, где ты... то тут возникают сложности.

– Да что ты? – сладко пропела я, прожигая взглядом дыру в своей любимой (бывшей любимой!) блузке.

И какие могут быть сложности с вопросом «где я?», если ты не валяешься с амнезией и без сознания? Город, почтовый индекс, координаты GPS – человечество кучу цифр придумало для определения крестика на карте.

– Угу. Вот ты, к примеру, думаешь, мы на каком языке разговариваем?

А что, были варианты? Я всего три знала, и то согласно диплому...

– На русском, – с уверенностью заявила я.

– Угу, – с печальным выражением лица повторила брюнетка. – Да только я из Брашова.

– А...

– Румыния, – с готовностью подсказала она.

– Спасибо. И на каком же языке мы тут беседуем?

Конечно, можно было предположить, что преодолеть языковой барьер нам помог интернациональный English, но я как-нибудь заметила бы, если бы количество времен внезапно сменилось с трех на двенадцать.

– Сложно сказать, – моя соседка то ли привыкла, то ли оказалась на редкость флегматичной. – Вот и с местоположением так же. Ты про ТАРДИС^[2] слышала?

Переход оказался внезапным.

– Хочешь сказать, мы сейчас в ней?!

После кактусов и... драконов эта версия не выглядела совсем невероятной. Правда, ТАРДИС, конечно, внутри была больше, чем снаружи, но не настолько же, чтобы вместить в себя целый университет... или?

– Нет, – криво усмехнулась София. – Но во времени и пространстве мы находимся где-то. Или нигде. И никогда, но эта версия не объясняет, почему у нас иногда часовой пояс как в Калифорнии, а иногда – как в Иркутске.

Я задумалась. В Калифорнии наверняка росли кактусы (видимо, я привязалась к этой детали, пытаясь не сойти с ума), но я бы обратила внимание на трансатлантический перелет. Которого не было хотя бы потому, что у меня отсутствовала американская виза.

– А...

София поглядела, как я переваривала новость, и снова опустила взгляд на ногти.

– Что тебя удивляет? Письмо из Хогвартса получила?

На мгновение я приободрилась. Человек, читавший «Гарри Поттера», не мог быть совершенно плохим! И совершенно неадекватным. Но потом соседка решила меня

окончательно добить:

– Вот и радуйся, попала в магическую академию.

– Что?

– ГООУПиОАатСДиРН, – да прекратят мне повторять эту абракадабру?! – место обучения потусторонних существ, сверхъестественного и людей с альтернативными способностями, – озвучили мне скучающим тоном, словно истину, известную каждому младенцу.

Без обид, но альтернативные способности – это талант схомячить три тортика разом. Или вышивать со скоростью сто сорок стежков в минуту. Или еще что-то такое... альтернативное. То есть бесполезное и бессмысленное. Но никак не магический дар, на который мне так старательно намекали! Я уже собралась сообщить все брюнетке, но вместо этого пискнула:

– Нет у меня никаких способностей.

– Значит, есть, – отрезала она, – иначе бы ты сюда не попала. А какие – это ты сама разбирайся. И не думай сбежать, – добавила она, глядя, как я изменилась в лице, – все равно до диплома отсюда не выберешься.

– Почему?

– Пустыня тебе ни на что не намекнула? И тот факт, что ты даже не знаешь, где ты? – судя по ее изогнутой брови, я была непроходимой душой. – Вот твое расписание, – мне в руки сунули пачку листов.

Я послушно посмотрела вниз. Потом еще ниже. И еще... На четвертом десятке предметов мозг опять повесил табличку «не беспокоить».

– Это все мне?

– Нет, – раздраженно ответила соседка. – Тебе нужно выбрать, что из этого списка ты будешь посещать в первом семестре, и до конца дня сообщить Норе. Которая, к слову, вполне могла объяснить это новенькой и сама! – прокричала она в стену.

Спустя пять минут ей наскучило любоваться маникюром, и она встала. По росту София оказалась выше меня как минимум на полголовы, что сразу свело дальнейшую конфронтацию по поводу блузки на нет. Мысленно попрощавшись с предметом гардероба и даря его новой хозяйке, я вновь взялась за список. Некоторые названия лекций в нем казались безобидными, вроде философии и азов актерского мастерства, другие – опасными и интересными. Для человека, всю жизнь мечтавшего о магии и параллельных мирах, я имею в виду. А не для того, кто за лето морально подготовился к скучной и предсказуемой жизни студента биологического факультета.

– Пожалуй, возьму регенерацию, первую ступень, – задумчиво протянула я.

– Отличный выбор, – одобрила София.

– Да ну?

Десять минут наедине с ней, а я уже научилась относиться к ее словам с опаской! Как выяснилось, не зря.

– Нет, реально классный предмет, – сообщила мне соседка, ныряя к кухонному блоку у окна. – Главное – экзамен не завалить, а то придется до пересдачи обходиться тремя конечностями.

– Ты шутишь!

– Не-а, – она появилась из-за холодильника со стаканом похожего на вишневый сока в руке. – А как ты иначе докажешь, что выучила?

Все, с меня довольно! Схватив со стула сумочку с документами, я метнулась к выходу.

– Эй, ты куда? – послышался позади низкий голос. – Я же сказала, отсюда не уйти!

– Уйти! – рыкнула я, выворачивая в коридор. – Да я сделаю так, что они меня сами отпустят!

Мисс Я-здесь-для-того-чтобы-тебе-было-уютно действительно плохо справлялась со своей работой. Когда я выбежала из комнаты и наткнулась на нее, подслушивавшую под дверь, блондинка сначала покраснела, а потом, услышав вопрос, где найти ректора или кого-нибудь, отвечающего за отчисление студентов, побелела как полотно.

– Может, не надо... – простонала она, пытаясь остановить меня.

– Надо! – мрачно отчеканила я.

Даже без ее помощи я собиралась найти ответственного за мое поступление и забрать у него документы. А потом вернуться в нормальный привычный мир, пусть без высшего образования, зато в здравом уме и живой.

Администрация нашла на первом этаже здания. А самая большая табличка на двери, конечно, должна была принадлежать самой большой шишке: ректору. Ворвавшись в его приемную, я проигнорировала испуганные крики секретаря (вдвоем с Норой они составили неплохой дуэт) и распахнула дверь в кабинет.

Беспросветная тьма окутала меня прямо с порога. От неожиданности я попятилась, пытаюсь нащупать дверную ручку, но сзади была только пустота. И темнота, шелестевшая шепотом тысячи голосов.

– Новенькая, – еле слышно произнес голос прямо передо мной. – Соколова?

– Д-да, сэр, – проблеяла вошедшая следом Нора.

Из темноты появилось щупальце и осторожно прошлось по моему лицу.

Я ничего не могла видеть, и все же меня не покидало ощущение, что меня разглядывали. Кто? Что? Этого я не могла сказать. Щупальце, сотканное, по ощущениям, из дыма и тумана, но при этом удивительно плотное, приподняло мне подбородок.

– И зачем она здесь? – спросила тьма.

Страх сковал мое тело, лишая возможности говорить. Я только могла стоять и дрожать, пока темнота продолжала нашептывать на ухо свои рассказы. Но, поскольку Нора молчала, пришлось найти в себе силы и все-таки ответить.

– Я... – голос дрожал, и от этого стало противно. В конце концов, ну, тьма, ну, тентакли. Не страшнее районного стоматолога! Справлюсь. – Я хочу отчислиться.

– Почему? – щупальце провело по щеке, погладило по волосам и обернулось вокруг шеи.

– Мне здесь не место, – призналась я. То, что я все-таки сумела ответить, приободрило и заставило отвлечься от его (ее? их?!) касаний. – Если это действительно магическая академия...

Умом я прекрасно понимала, что их не существует. Может, на страницах книг и экранах телевизоров, но не в реальной жизни. Однако факты, особенно один, крепко обвивший мое горло, говорили сами за себя. Я собралась с мыслями и закончила предложение:

– Мне кажется, произошла какая-то ошибка. Я обычный человек.

– Никакой ошибки, – прошептали у меня над ухом. – Мы видим всё, мы знаем всё. Ты должна быть здесь.

Никогда не доверяла тем, кто говорит о себе во множественном числе. Как оказалось, не зря.

– Все равно. Я хочу покинуть ваш университет.

Тьма молчала, сгущаясь вокруг.

– Так я могу... вернуться домой?

Давление на шею ощутимо возросло:

– А ты готова отдать ради этого свою душу?

– Ч-что? – прохрипела я, борясь с желанием сорвать с горла душившее меня щупальце.

Останавливало подозрение, что существу... ректору... это не понравится.

– Никто не читает мелкий шрифт, – пробормотала темнота. Разочарованно, как мне показалось, и даже немного обиженно.

Из ниоткуда прямо передо мной появился листок бумаги. С моей подписью. Ну да, это было подтверждение приглашения, которое я отправила в университет. Мимоходом я отметила, что почему-то могла разглядеть буквы в темноте, но разум после всего произошедшего сегодня уже отказывался удивляться. Я имею в виду, я оказалась неизвестно где, вокруг бегали драконы, моя соседка по комнате говорила о магии как о чем-то существующем, а сейчас я была занята тем, что пыталась убедить монстра с тентаклями меня отсюда отпустить. По сравнению с этим ночное зрение выглядело чем-то относительно нормальным.

Из глубины кабинета (если предположить, что мы все еще были в кабинете, а не очутились опять «где-то во времени и пространстве») появилось еще одно щупальце и недвусмысленно указало на нижний абзац, напечатанный не иначе как вторым кеглем. Я прищурилась, пытаясь прочесть текст. Похоже, я действительно умудрилась поставить свою подпись на документе, в котором утверждалось, что моя душа будет залогом моего обучения в ГООУПиОАатСДиРН, и в случае моего отказа либо невозможности закончить учебную программу университет имеет право оставить ее себе. Интересно, это вообще легально – включать такие пункты в контракт? Хотя о какой легальности можно было говорить, когда я даже не знала, под чьей юрисдикцией сейчас нахожусь.

– Так ты готова отказаться от своей души? – нетерпеливо переспросила тьма. Голоса вторили ей, громче и... Я не сразу угадала появившиеся в них нотки. Это был голод.

В принципе, понятие души для меня всегда было весьма абстрактным. Прожив всю жизнь в окружении атеистов и в лучшем случае агностиков, я не знала, где она, зачем она и изменится ли что-то для меня с ее потерей. Ну, в рай я не попаду, но туда, если верить трудам теологов, среднестатистическому человеку вообще вход заказан. На мой взгляд, рискнуть стоило. Но прежде чем я успела озвучить согласие, вмешалась блондинка (и где она была все это время, пока я нуждалась в помощи?).

– Нет! Она не согласна! – поспешила она сказать за меня.

– Печально, – пробормотала темнота.

Остальные голоса снова стихли до шепота. Щупальце распустило узел на моей шее и вскоре совсем убралось во мрак комнаты.

А я осталась стоять с ощущением, что только что избежала чего-то очень опасного.

– В таком случае, Леонор, думаем, самое время выдать новенькой правила поведения, – неожиданно по-деловому сообщил второй встретившийся за сегодняшний день монстр.

– Конечно, сэр. Всего хорошего, сэр.

Схватив мой локоть, блондинка вытащила меня из кабинета (эй! Тут только что не было двери, я проверяла!), протащила через приемную и наконец остановилась в холле.

– Никогда, слышишь, никогда больше так не делай! – с удивлением я заметила на ее лице

следы слез. – Никогда не тревожь ректора без повода! И никогда, слышишь, никогда ни с кем не пытайся расплатиться душой!

Судя по экспрессивности, для нее это была больная тема. Дождавшись, пока она сотрет потекшую тушь, я осторожно поинтересовалась:

– А что бы случилось, если бы я согласилась?

– А что, по-твоему, происходит с телом без души? – блондинка высморкалась. – Ты бы умерла.

Вот так вот. Все очень просто.

Я медленно перевела взгляд на табличку у входа в ректорский кабинет, которую даже не дочитала до конца перед тем, как ворвалась туда. Надпись на ней показалась мне подозрительно знакомой.

«Пх'нглуи мглв'нафх».

И чем, по логике, было тогда это место? Мискатоникским университетом^[3]? В любом случае, похоже, оно было институтом моих кошмаров.

Ниже был приклеен стикер с надписью, сделанной черным маркером: «Ректор. НЕ входить!». Спасибо за предупреждение. Но лучше бы вы написали «Страшный монстр из бездн подсознания. Если хотите жить – НЕ входите!!!». Возможно, тогда существовал бы хоть один шанс, что студенты прислушаются.

– Пойдем, – потянула меня за рукав Леонор.

Я послушно побрела за ней, впадая в прострацию, – что, конечно, было лучше неконтролируемой паники, но тоже не очень круто. Позволила завести себя в лифт, доволочь до комнаты, получила стопку книг высотой с себя и села на кровать.

Да... Кажется, день немного не задался.

– Ты в порядке?

Мое состояние обеспокоило даже Софию, сбросившую на время свою маску высокомерности. Она присела возле кровати на корточки и попыталась заглянуть мне в глаза. Я с трудом нашла в себе силы кивнуть. Ощущение щупальца на шее не отпускало, и я подозревала, что это еще долго будет мне сниться в кошмарах.

– Этот ваш ректор...

– Немного нефотогеничен, согласна. Но это уже проблемы журналистского клуба, а не наши.

То есть то, что ректор – не человек и даже не антропоморфное существо, мою соседку не смущало. А вот что он плохо получался на фотографиях, где торжественно перерезал ленточку на новом здании библиотеки, – это, конечно, было проблемой.

Я нервно хихикнула.

– Что там у тебя? – София заинтересовалась кипой книг на постели.

Я тоже на нее взглянула. Сказать честно, у меня в год еще ни разу столько учебников не набиралось. Хихиканье перерастало в полноценную истерику.

– Правила поведения, кажется...

Пришла в себя я от того, что мне в руки сунули кружку с чем-то теплым. И сладким. Я машинально сделала глоток, прежде чем посмотрела, что там. Какао. С ванилью и миндальным сиропом.

После второго глотка меняхватило на то, чтобы наконец рассмотреть комнату. Она была небольшой и еще необжитой на моей половине, но довольно уютной. За дверью стояли

вешалка для курток и небольшой шкаф – один на двоих – для длинных вещей. Возле шкафа – окно. Сейчас уже стемнело, и не было видно, куда оно выходило, но размер впечатлял. У окна располагалась мини-кухня: два шкафчика сверху, раковина и маленький холодильник внизу. На холодильнике еще примостились чайник и мини-печка. Кухню от жилой части комнаты отделяли два комода, поставленные в изголовье кроватей. В ногах у моей кровати был письменный стол, на котором кто-то уже расположил мой ноутбук, рядом стоял мольберт, а вот рядом с кроватью Софии находилась дверь... Неужели душ? Дверь действительно вела в маленькую ванную с душевой кабиной. По сравнению с теми общежитиями, что мне доводилось видеть (комнаты на пятерых, душевая с туалетом на этаже, одна кухня на двадцать комнат – о гигиене и говорить нечего!), здесь все выглядело немного потрепанным, но чистым – просто роскошь!

Да, следовало признать, что общежитие выглядело очень и очень неплохо. Особенно для места, в котором мне предстояло провести следующие четыре года жизни.

Кажется, меня взяли в заложники.

Пытаясь предотвратить новый приступ истерики, я сделала еще глоток какао.

Итак, что я имела. Я поступила в институт (ура!). Институт оказался кошмарным местом (не ура). Но мне прозрачно намекнули, что отчисляются здесь только одним способом: ногами вперед. Значит, чтобы выжить, придется учиться.

Я заметила, что София что-то бормотала, перекладывая книги из одной стопки в другую:

– «Правила противопожарной безопасности», «Правила поведения при химической опасности», «Правила поведения при биологической угрозе», «Эффективное межкультурное общение», «Эффективное межвидовое общение», «Протокол действий при объявлении карантина», «Список важных телефонных номеров ГООУПиОАатСДиРН», «Правила поведения в интернете», «Правила поведения студента ГООУПиОАатСДиРН в социальных сетях»... Убиться можно, а ведь раньше хватало обычной клятвы на крови.

– И как, действовало? – заинтересовалась я.

По сравнению с перспективой прочесть все эти несколько тысяч страниц я была согласна даже на внеплановый сеанс донорства. К кому обращаться?

– И даже очень эффективно. Но потом, видимо, руководство решило, что десятая часть студентов, рассыпающаяся прахом оттого, что кто-то подумал о ректоре или выложил фотку с драконом в интернет, – это не тот результат, которого они хотели добиться.

Я была неправа. Чтобы выжить, нужно будет не просто учиться, а учиться очень хорошо. И зазубрить эти талмуды: незнание не освобождает от ответственности нигде, здесь – тем более.

И не думать о ректоре. Вообще. А то мало ли...

– Надо, наверное, составить расписание, пока еще можно, – решила я.

– Тебе помочь?

Я с радостью согласилась. На поверку София оказалась вовсе не такой злокой, как я сначала подумала. Вместе мы разложили на пледе в синюю клетку листы с названиями предметов и начали их изучать.

– Такое ощущение, что они сами не знают, кто ты, – заключила София, дойдя до конца списка. – Первый семестр, конечно, всегда вводный, но хоть что-то они могли предложить!

Они и предлагали: полсотни лекций и несколько десятков семинаров, от истории искусств до астрофизики, у меня даже глаза разбегались.

– А... кем я могу быть? – осторожно спросила я у соседки.

В то, что у меня были какие-то «альтернативные способности», я не верила (уж за восемнадцать лет жизни я бы заметила!), но почему-то же меня сюда взяли. Даже пригласили, если сказать точнее. На секунду подумалось, какой бы была моя жизнь, если бы я не ответила на письмо неизвестного вуза, но я запретила себе об этом размышлять. Что случается со студентами, не получающими диплом, мне рассказали. А значит, в данный момент моя жизнь – здесь, и надо к этому привыкать.

– Ведьмой, наверное. Из нашего мира здесь чаще всего встречаются маги.

– И ты тоже... маг?

Соседка вновь замкнулась в себе:

– Нет.

Глядя на ее хмурое лицо, я поостереглась продолжать расспросы и даже насчет «нашего мира» (есть и другие? Пожалуйста, скажите, что нет!) не стала спрашивать. Пока. Вместо этого я снова взялась за списки.

– Бери общую историю, – подсказала София. – Легко и интересно.

– Хорошо.

– Микро- и макроэкономику.

– Зачем?

– Чтобы быстро сдать экзамен и получить достаточно кредитов за семестр.

Да... Кредитные баллы были еще одной проблемой. За каждый предмет, в зависимости от его сложности, давалось определенное количество кредитов. Не набрал за полгода положенный минимум? Вот тебе и отчисление, радостно сообщал мелкий шрифт внизу страницы.

– Ладно...

– Гендерные исследования. Что? – перехватила она мой непонимающий взгляд и принялась меня с жаром убеждать: – Это полезно! И интересно, правда.

– Хорошо.

– Регенерация.

– Нет! – в ужасе отказалась я.

– Почему? Она тебе здесь пригодится.

В этом я отчего-то не сомневалась, но рассказ об экзамене меня слишком впечатлил. Не хочу становиться калекой!

– Нет, – твердо повторила я.

Постепенно мое расписание заполнялось, а я все больше и больше унывала. Ничего похожего на то, что я собиралась изучать, в списках не было.

– Ты вообще на кого хотела поступать? – поинтересовалась София.

– На микробиологию.

Но я сомневалась, что со всей этой... магией она здесь была; это я и озвучила Софии.

– Есть, конечно. Здесь все есть, это же ГООУПиОАатСДиРН. Даже факультет бухучета и аудита, хотя, по мне, даже некромантия веселее. Ты просто поздно приехала, на многих лекциях уже давно все места разобрали. Ничего, начнешь в следующем семестре, – попыталась она утешить расстроенную меня. – А пока сдашь вводные и предметы по выбору, все равно когда-то это делать придется.

Я уныло кивнула, ничего другого не оставалось.

– Как ты относишься к алхимии? – неожиданно спросила соседка.

– Это где превращают свинец в золото?

Она фыркнула:

– Почти. Но это самое близкое, что сейчас есть к твоей будущей специальности.

Я колебалась. На мой вкус, алхимия была слишком созвучна с магией, а пускаться в это безумие я еще не была готова. К тому же...

– А там как экзамен сдаешь? Тоже с риском для жизни?

– Скорее наоборот: сумеешь ничего не взорвать – к концу курса получишь автомат. Ну что, решено, берем?

Еще поразмыслив, я согласилась. София просияла и сунула мне в руки исчерканный листок.

– Готово! Твое расписание, – на первый взгляд мне показалось, что в нем стало больше предметов, чем мы успели обсудить, но я не стала спорить. Сил уже не было. – Положим Леонор на стол по дороге, а сейчас приведем тебя в порядок.

– Зачем? – слабо затрепыхалась я.

Больше всего мне сейчас хотелось залезть под одеяло (спасибо, неизвестный человек, не только разложивший мои вещи, но и застеливший постель), накрыться им с головой, и чтобы до утра никто не беспокоил. А там уж поспать или порыдать в подушку, как повезет. Но у Софии были другие планы.

– Для праздника, конечно!

– Какого еще праздника?

Если их будни включали в себя лекции по алхимии и (только не думать о ректоре!) другие ужасы, то какими же были здесь праздники? Как выяснилось, мои подозрения были не беспочвенны.

– Праздничного жертвоприношения в честь удачного начала учебного года, конечно же, – сообщила мне соседка. И опять – таким тоном, словно шабаш на первое сентября устраивало все человечество. Обнаружив мой ошеломленный до предела взгляд, она тут же скривилась. – Только не говори, что ты из этих... моралистов и гринписовцев! Из-за них оно и так превратилось не пойми во что. Коза резиновая, хор рыдающих девственниц изображает драмкружок, а фрукты университет на следующее утро отправляет в благотворительные организации. Только название и осталось.

Это... радовало. Я имею в виду, такой социально ориентированный подход – это здорово. И все же выбор торжества несколько озадачивал.

– Может, я тут останусь? – предложила я. На один день впечатлений мне уже хватило.

– И оскорбишь всех богов, не поднеся никому из них никакой малости? Хочешь, чтобы тебя весь год неудачи преследовали? Ну уж нет, мне с тобой еще в одной комнате жить! Вставай, пошли!

После инспекции ее комода я поняла, почему София позарилась на мою блузку. Не хочу сказать о ее гардеробе ничего плохого, но всё в нем было черным. Всё. Включая рождественский свитер (темно-красные олени безрадостно топтались на черном фоне), носки и одинокий купальник. Неудивительно, что девушке захотелось разнообразия.

– Держи, – с меня стянули футболку и вместо нее надели черную тунику в пайетках. На мой взгляд, с джинсами она смотрелась несколько странно, но София довольно кивнула. – Да, тебе она больше идет. И волосы... распусти, – русые пряди рассыпались по плечам. – Вот так. А теперь пошли, забежим к Норе, и... Добро пожаловать в ГООУПиОАатСДиРН!

За те несколько часов, что я провела без сознания, в кабинете ректора и за составлением

расписания, на улице успело стемнеть, а окрестности главного корпуса вновь изменились до неузнаваемости. То тут, то там полыхали костры. Отовсюду доносилась музыка: тоскливая скрипка справа, дикая плясовая слева, арфа... я даже не пыталась угадать откуда. Шум, гам, абракадабра всевозможных запахов и звуков сбивали с ног. Студенческие массы (сколько всего народа училось в ГООУ? Это была даже не майская демонстрация) перетекали от одного освещенного пятна к другому, смеясь, крича и обмениваясь выпивкой. Кто-то по дороге сунул мне в руки одноразовый стаканчик, пахнувший травами и спиртным, потом аналогичным образом у меня появился второй; его забрала София, вскоре исчезнувшая в неизвестном направлении...

Задрав голову, я посмотрела на здание университета, при свете костров казавшееся еще более величественным. Над главным входом висел герб: антилопа (или все-таки козел?) и грифон. Приглядевшись, я даже сумела прочесть девиз на ленте под щитом. Он был удивительно краток и состоял из одного-единственного слова.

Finem.

Конец.

Я отхлебнула из стакана.

Вот уж действительно полный... конец.

Утро встретило меня... темнотой.

Первые мгновения я потратила на то, чтобы вспомнить, где я и как сюда попала. Потому что высокий потолок с лепным бордюром по краю и паутиной в углу прозрачно намекал, что я не дома. А где тогда? Поломавшись, мозг все-таки напомнил про начало учебного года. Точно. Старинный особняк, драконы, чудовища, горевшие в ночи костры... На этом вчерашние воспоминания обрывались, однако логика подсказывала, что я находилась в общежитии.

Обнаружив на ощупь тапочки, я осторожно прокралась к окну и распахнула шторы (странные они какие-то были... прорезиненные, что ли, что свет совсем не пропускали?). Пейзаж за окном опять успел измениться: ровно подстриженный газон яркого изумрудного цвета сиял свежестью и чистотой, словно вчерашней ночи вовсе даже не было.

А и была ли она?

Мне вспомнилась странная, старомодная музыка, терпкий травяной привкус настойки на губах... и провал. Мои воспоминания заканчивались на гербе университета, с которого на меня нахально скалился козел.

Однако следовало все-таки признать, что ночь с шабашем была и что я как-то умудрилась добраться до кровати.

– Закрой... – простонала за моей спиной София, натягивая на голову одеяло.

– Проснись и пей, – посоветовала ей вместо этого я. Судя по яркому солнцу, день уже давно начался.

Стоп.

От меня что-то ускользало. Несмотря на отсутствие похмелья, мысли были медленными и тягучими, никак не удавалось сосредоточиться. София заворочалась в кровати, наконец показываясь на свет:

– Сколько времени?..

Черт.

Так вот какая мысль не давала мне покоя! Первый учебный день!

– Где мой будильник?! – я точно помнила, что оставила его на комод у кровати. Заведен

он был, как всегда, на восемь, сейчас же, судя по солнцу, близился полдень...

– Я его выключила, – призналась соседка.

– Зачем?!

– Чтобы не звонил, зачем же еще. Черт, всего полдвенадцатого... – София завернулась опять в одеяло, как ни в чем не бывало собираясь спать дальше.

– Полдвенадцатого?! Но у меня лекция!

О чем она думала, отключая мой – прошу заметить, мой! – будильник?! Специально заведенный к началу занятий! Все, конец перемирию.

– Тише... – попросили меня с соседней кровати. – И потом, кто ходит на занятия в первый учебный день?

Я ходила. Тем более оказавшись в таком месте, как ГООУПиОАатСДиРН (неужели я тоже смогла произнести название полностью?). На сборы времени не оставалось, лекция и так началась тридцать минут назад. Кое-как натянув вчерашнюю футболку и джинсы, я схватила сумку и была такова.

Нужно было только найти аудиторию.

То, что я видела вчера, было лишь малой частью университета. Во-первых, готическое здание стояло буквой П, и те несколько десятков окон, что я разглядела, относились к его центральной части, где располагались административные и общие помещения. Еще из огромного холла, отделанного мрамором и латунью, можно было пройти в два крыла общежития. Но это было не самым важным. Если выйти из холла через двери, противоположные тем, которые я использовала вчера, удивленному взору открывался вид на весь ГООУ.

Здания самых разнообразных архитектурных стилей и размеров были хаотично раскиданы по территории. Прямостоящая копия Пизанской башни располагалась рядом с корпусом, который могла бы построить Заха Хадид, дом с романским портиком соседствовал с обычной кирпичной пятиэтажкой. С крыльца общежития я смогла насчитать тридцать крыш, и, я не сомневалась, это было только начало. Да им карту надо выпускать!

А еще путеводитель. Потому что сюда можно было водить экскурсии. Засмотревшись на красоту вокруг, я даже не сразу вспомнила, что не на прогулке. Вовремя спохватилась. К счастью, корпуса были пронумерованы. К несчастью, вместо цифр или нормальных букв администрация решила воспользоваться неизвестными мне закорючками.

– Скажите, где располагается... – отчаявшись найти необходимое здание самостоятельно, я схватила за рукав пробежавшего мимо студентика и сунула ему под нос найденную утром на пороге комнаты копию расписания, где были указаны кабинеты.

– А, фи-каппа-тета? Направо, направо, потом налево, мимо амфитеатра и опять направо.

Студиозус умчался, я даже не успела его поблагодарить – и попросить повторить указания на всякий случай.

Фи-каппа-тета, надо же. Кто решил, что использовать древнегреческий алфавит для нумерации домов – это хорошая идея?

По крайней мере, не китайский и не... древнеабиссинский какой-нибудь.

Нужный корпус я в итоге нашла (со второй попытки, в первый раз засмотрелась на пресловутый амфитеатр и забыла свернуть), и даже обнаружила нужную аудиторию. А там оказалось, что в первый день на занятия ходила не только я. Лекционный зал на восемьдесят человек был полон, свободными оставались только места в первом ряду.

– Извините, – промямлила я, оказавшись под пристальным оком профессора.

Тот предпочел сделать вид, что мое появление вовсе не нарушило ход его рассказа, и снова повернулся к доске.

– Итак, рассмотрим изменение цены при введении импортного тарифа. Изначальную ситуацию отображают кривые D и S . Страна вводит тариф на импорт в сумме t за единицу импортируемого товара. В результате цена вырастает с P до P' . Общий объем спроса на рынке рассматриваемой страны сократится с Q до Q' , так как часть потребителей не сможет позволить себе покупать товар по новой цене. Однако увеличится внутреннее производство, потому что отечественные производители, цены которых были завышены по сравнению с мировыми, смогут конкурировать с импортными производителями. Объем отечественного предложения товара увеличится. В результате уменьшится объем импорта, государство получит дополнительный доход, равный произведению ставки тарифа на объем импорта, благосостояние потребителей уменьшится на величину, которой равны эти заштрихованные участки, зато увеличится благосостояние отечественных производителей. Если сложить выигрыши и проигрыши потребителей, производителей и государства от введения импортного тарифа, можно увидеть, что ущерб для страны в целом составит сумму, соответствующую площадям треугольников b и d . А теперь пример...

Та самая экономика.

Не то чтобы я ее не любила, но, если бы захотела изучать, пошла бы учиться на экономиста.

Испуганно кося одним глазом на маркер, рисовавший на доске всё новые и новые графики, я полезла в сумку в поисках чего-нибудь, подходившего для конспекта. Из-за Софии я не успела сегодня собраться, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было. А была куча документов, которые я не стала пихать в багаж, сотовый и кошелек. И если вместо тетради сгодилась распечатка с адресом ГООУ (увы, не соответствовавшим действительности), то писать было катастрофически нечем.

На парту передо мной легла шариковая ручка в серебристом корпусе. Подняв глаза, я заметила симпатичного блондина, не иначе как товарища по несчастью, тоже опоздавшего на занятие и потому оказавшегося на соседнем со мной месте.

– Спасибо, – благодарно шепнула я, за что заработала еще один недовольный взгляд от преподавателя.

Парень ободряюще улыбнулся в ответ. И от этой улыбки, первой за два дня (приветливая, как у риелтора, и такая же искренняя улыбка Леонор не считалась, как и оскал Софии), мне вдруг стало легче.

«Прорвемся, – пообещала я себе, – обязательно прорвемся».

Кто-то считает, что мое место здесь, в этом ненормальном мире? Значит, найду свое место или докажу, что это не так. Не дают никакой нормальной информации о происходящем? Отыщу ответы на вопросы сама. Отказываются выпускать до диплома? Выучусь и получу диплом. В конце концов, учеба мне всегда легко давалась... Кроме тех случаев, когда предметы были мне откровенно неинтересны, и в дневнике появлялись «тройки».

Наверное, именно поэтому мой боевой настрой как появился, так и начал спадать. Я уже говорила: я не хотела зубрить экономику. Не хотела, когда выбирала факультет, не хотела и сейчас, поэтому к концу четвертого часа (какой садист догадался поставить три пары макроэкономики подряд?) потеряла нить повествования и теперь бездумно смотрела на

табуны Р и Q, появившиеся на доске.

От разглядывания уравнений меня – и весь зал – отвлек телефонный звонок. К тому времени я так свыклась с мыслью, что нахожусь «где-то во времени и пространстве», вероятно, даже в параллельном мире, что не сразу поняла: веселая мелодия доносилась из моей сумки. Покраснев, я выудила мобильный и уменьшила громкость до вибрации.

– Извините, – промямлила я раздраженному преподавателю.

Телефон не успокаивался. Номер на экране не отображался, поэтому я с чистой совестью дала отбой. Но неизвестный абонент намека не понял, упорно продолжая названивать. Просто теперь вместо залиvistых трелей сотовый недовольно жужжал на столе.

– Может, все-таки ответите? – предложил профессор.

Его красноречивый взгляд сообщал, что мои прегрешения без кары не останутся. Как же: три раза за лекцию прервать препода!

Я покраснела еще больше и, повторив извинения, выскользнула из аудитории. По дороге собрав восемь десятков любопытствующих взглядов и получив еще один, рассерженный, от преподавателя. Нет, легким для меня этот экзамен не будет, вот уж точно. Прикрыв за собой дверь, я нажала на кнопку вызова:

– Алло!

– Привет, крошка, – послышался в трубке мужской голос.

– Ошиблись номером, – машинально ответила я и отключилась.

Не тут-то было: стоило взяться за ручку двери, как телефон завибрировал вновь. Хорошо еще, не успела войти в зал – на радость профессору, уже подозревавшему меня в намеренном срыве занятия.

– Привет, крошка.

– Не тот номер, – отрезала я.

Во мне все клокотало от злости. И из-за этого... идиота, не сумевшего правильно записать номер и теперь домогавшегося не той девушки, у меня будут проблемы со сдачей! Кретин. Нет чтобы сразу проверить.

Быстрый поиск по списку входящих звонков показал только одно: «Неизвестный номер». Так что никаких шансов добавить его в черный список. Взвесив все за и против, я решила временно выключить телефон и поняла: у меня была сотовая связь! Вместо названия оператора в левом углу снова светилась непонятная закорючка. Я же родителям за всеми переживаниями забыла вчера позвонить, сказать, что нормально добралась! А если они волновались? Да какой там «если» – конечно они волновались, куда я пропала.

Я набрала домашний номер и стала ждать. Гудки появились сразу, но к телефону никто не подходил. Может, оно и к лучшему – я уже не была уверена, что смогла бы с ними спокойно поговорить. Поэтому, когда включился автоответчик, только обрадовалась.

– Привет, мам, пап, – быстро наговорила я сообщение, чувствуя комок в горле. – У меня все хорошо, доехала нормально, в общежитии меня разместили. С соседкой познакомилась, она неплохая, все в порядке. У нас только... расписание очень насыщенное, поэтому извините, что раньше не позвонила. Пока не знаю из-за него, когда смогу в следующий раз вырваться, но как только, сразу позвоню снова. У меня все в порядке, не беспокойтесь. Люблю вас.

Последние предложения уже дались с трудом. Нервно сглотнув и тяжело дыша (только не плакать сейчас, только не плакать!), я прислонилась к стене. Дом сейчас казался таким

родным и уютным... и таким далеким. Смогу ли я его еще увидеть?

Возвращаться в аудиторию не хотелось. Я сползла по стенке вниз и села, обхватив руками колени. За стеной было слышно, как преподаватель диктовал очередную формулу. Не хочу туда возвращаться, лучше посижу пока здесь. Телефон в руке снова ожил, высвечивая знакомую надпись.

Неизвестный номер.

– Послушайте, вы...

– Что, опять ошибся номером? – иронично спросил все тот же голос.

Красивый, между прочим, голос. Низкий, слегка хриплый и почему-то сразу вызывающий улыбку...

– Знаешь, крошка...

«Крошка». Ненавижу это обращение. Зарождавшаяся симпатия к обладателю голоса мгновенно испарилась.

– Не знаю! – рявкнула я, перебивая незнакомца. – Не знаю, откуда вы взяли мой номер, не знаю, кому вы звоните, и не знаю вас вообще! Поэтому прекратите мне названивать и на будущее запомните, что, если точно хотите получить у девушки номер, проверять его надо, как сдачу, не отходя от кассы!

Не дожидаясь ответа, я повесила трубку и отключила телефон.

Однако пора было возвращаться в аудиторию. Пока я сидела на каменном полу, лекция кончилась, и студенты ручейком потянулись к выходу. Протолкавшись мимо них к доске, я подхватила сумку и конспект.

– Эй, – позвали меня.

Я обернулась: одолживший мне ручку парень все еще сидел на своем месте.

– Домашнее задание, – передал он мне распечатку. – Взял тебе копию.

С листа на меня укоризненно смотрела очередная порция графиков. Весело...

– Спасибо.

– Брось, новичкам надо держаться вместе, – обаятельно улыбнулся сосед и протянул руку: – Макс.

Со всей торжественностью пожав ему ладонь, я не выдержала и рассмеялась.

– Наташа. Так ты тоже здесь первый день?

– Вообще-то уже второй, но...

– Кто тут говорил про новичков?

Мы обернулись. Девочка, которая к нам подошла, была такой... девочкой. Маленькая брендовая сумочка на цепочке, босоножки на пугающей высоты танкетке, юбочка, складывавшаяся в оборку чуть выше колена... Если я потратила сегодня на сборы пятьдесят секунд, то она – не меньше часа. Светлые рыжие волосы лежали аккуратно уложенными волнами до пояса, сложный макияж подчеркивал приподнятые уголки глаз и делал ее удивительно похожей на лисичку – или на озорную ведьмочку.

– Можно к вам присоединиться? Здорово. Я тут случайно услышала, ну, может, не совсем случайно... Неважно. И подумала: наконец-то кто-то как я! Лекция, кстати, была совершенно отстойной, вы же согласитесь? Не думала, что мое первое воспоминание об универе окажется таким скучным. Ну так вот...

На левой руке, которой девушка активно жестикулировала, позвякивал серебряный браслет с многочисленными подвесками, а ногти были выкрашены в небесно-голубой цвет. Немного ошалев от манеры речи еще одной обнаруженной первокурсницы, я сидела и ждала,

пока словесный поток прервется. Макс тоже молчал. Заметив наше оцепенение, девушка смущенно улыбнулась и сообщила:

– Меня, кстати, Райли зовут. И, когда я нервничаю, могу болтать бесконечно, не обращайтесь на это внимания.

– Макс. – Блондин перегнулся через спинку стула и ткнул в меня пальцем: – Наташа.

Общение с товарищами по несчастью продолжилось в столовой. И позвольте сказать вам: это было первое место в ГООУ, в которое я влюбилась! По совершенно бесплатной раздаточной линии можно было гулять часами, фланируя от итальянского уголка к азиатскому, а через него – к отдельной стойке с десертами. А как там пахло! Если школьную столовку я обходила по большой дуге, то здесь была готова поселиться. Единственным, что смущало, был бездонный колодец, в который полагалось скидывать подносы с грязной посудой и откуда доносилось подозрительное рычание, но это я уже списала на специфику ГООУ.

По случаю хорошей погоды и тепла мы расположились за столиком снаружи современного двухэтажного здания, выкрашенного в веселый салатный цвет. Райли, закончившая рассказывать о своем бойфренде, которого ей перед поступлением пришлось бросить, потому что он был... «обычным», кажется, что бы она под этим ни подразумевала (я уже не была уверена, пропустив часть истории мимо ушей: рыжая болтала с такой скоростью, что уследить за ее речью было невозможно), достала из клатча телефон и потребовала наши ФИО, чтобы добавить на «Фейсбуке».

– Здесь есть вайфай? – удивилась я.

– Конечно. Ты, что, не читала студенческий справочник?

Да я, стыдно признаться, еще ни до одной книги из той стопки не дошла. Кроме того, что у меня еще не было на это времени, сам вид всех этих правил внушал трепет и благоговение. Но не любопытство.

– Дай подключу, – Райли отобрала у меня телефон. – Держи.

Рядом со значком оператора появился значок вай-фая. Я быстро проверила почту – все работало! У меня был интернет! Цивилизация, я так по тебе соскучилась! Видимо, часть обуревавших меня эмоций отразилась на лице, потому что Макс улыбнулся:

– Тебя это как будто удивляет.

Конечно, меня это удивляло! В параллельной реальности есть интернет – кто бы мог подумать! Хотя... я могла бы подумать. В названии одной из брошюр было ведь что-то про социальные сети.

– Зато вы не выглядите такими уж удивленными, – заметила я, размазывая по тарелке ризотто с грибами.

Меня это еще во время монолога рыжей покорило: может, она и нервничала, как утверждала, но при этом вела себя как обычная девчонка в обычном университете. А не как человек, которого судьба закинула в фантастическое измерение.

Мои собеседники переглянулись.

– Ну да, – ответил Макс. – А чему удивляться? В конце концов, мы все знали, что нас ждет...

– Не все.

Вилка, на которую Райли нанизала очередной листок салата, звякнула, выпав из ее руки, Макс открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но тут же его закрыл.

– В смысле?

– Я не знала, что меня ждет. – Если я чего-то и ожидала от учебы в институте, то точно не тентаклевых монстров и не магии. – Да я вообще не собиралась сюда поступать!

– Да ладно, – не поверили мне. – Всем известно, что после школы придется учиться в ГООУ, никаких вариантов. Это часть Договора.

Что-то подсказывало мне, что прозвучавшая заглавная буква в последнем слове была неспроста.

– Какого еще Договора?

Райли закашлялась и потянулась за стаканом с кофе (сделанный на заказ скинни латте со льдом и ванильным сиропом на стевии – теперь вы понимаете, почему я полюбила столовую?).

– Ты когда-нибудь слышал о таком? – поинтересовалась она у Макса, понизив голос.

Тот покачал головой.

– О чем? Эй, вообще-то я все еще здесь!

– Нет, я знаю, бывает, что находят слишком поздно, но их обычно того... – Макс выразительно провел пальцем по горлу, обращаясь к рыжей.

И на этой оптимистичной ноте я поняла, что моему терпению пришел конец. Хватит, меня вчера уже достаточно напугали. Больше я не желала никаких таинственных недомолвок. Резко отодвинув стул, я поднялась и взяла поднос.

– Ты куда? – На меня посмотрели две пары удивленных глаз – зеленая и голубая.

– Покормить бездну. А потом – найти кого-нибудь, кто способен ответить хотя бы на один мой вопрос.

– Она обиделась, – поняла Райли. – Подожди, мы сейчас все объясним! Извини, мы просто... не ожидали увидеть здесь таких как ты, – смутилась она.

Таких как я? Это каких же? Ничего не понимающих? Сбитых с толку? Оказавшихся в наркотическом трипе какого-то сумасшедшего?

– Незнающих, – пояснила (или, скорее, решила, что пояснила) Райли.

– Не знающих о чем?

– О нас.

Час от часу не легче! Кто-нибудь здесь мог говорить без загадок? Подумав, я все-таки села обратно. По крайней мере, получила хоть какое-то подобие ответа.

Помнится, София сказала, что ГООУ – место обучения для сверхъестественного и потустороннего. А еще – что чаще всего из нашего мира здесь встречались люди с магией.

– О нас – это о магах?

Макс кивнул.

– И вы, стало быть, маги?

Блондин снова кивнул.

– Крафтер, – уточнила Райли и объяснила, встретив полное непонимание с моей стороны: – Артефактор.

Это типа амулеты, обереги и все такое?

– А в чем разница?

– В том, что кое-кто слишком слаб, чтобы пользоваться чистой магией, – сразу же откликнулся Макс, с превосходством поглядывая на рыжую. – Так и думал.

– В том, что кто-то до сих пор предпочитает обходиться каменными стрелами вместо микроскопа, – процедила Райли в ответ.

Какое трогательное взаимопонимание. Кажется, я набрела на две противоборствующие

школы. Школы магии – если она действительно существовала, в чем меня тут пытались убедить. А вот сейчас и проверим...

– Значит, магия реальна? – на меня посмотрели так, словно я спросила, реален ли воздух, которым мы дышим. – Чем докажете?

Мои соседи по обеденному столу снова переглянулись, пытаясь отойти от общения с необычным для них существом – человеком обыкновенным. А еще у меня создалось впечатление, что они даже молча умудрялись спорить, кто из них круче. Наконец Райли признала свое поражение:

– Лучше ты, у вас это эффектнее получается.

Макс просиял победной улыбкой и повернулся ко мне:

– Смотри.

На кончике его указательного пальца распустился огненный лепесток, постепенно разрастаясь до размеров теннисного мячика. Завороженная его светом, я потянулась, чтобы дотронуться до огненного шара, висевшего в воздухе, и...

– Ай! Твою...

Чертовы рефлексy! Ну почему я сначала делаю, а потом думаю? Прижав к груди руку, я баюкала пораженную конечность. На пальцах, которые успели прикоснуться к пламени, уже вздувались волдыри. Прикусив губу, я пыталась не расплакаться на виду у всех, но не выдержала и шмыгнула носом. Больно!

Макс, побледневший и испуганный, поспешно потушил огонек.

– Кто же хватается за чужие заклинания?! В нем больше полутора тысяч градусов по Цельсию, о чем ты думала?!

– А откуда ей было знать? – вступилась за меня Райли.

– Я не ожидала, что это опасно! В книжках любой, кто владеет магией, за них спокойно берется...

Интересно, значило ли это, что я магией не владела? По спине пробежал неприятный холодок. Если я все-таки попала в ГООУ по ошибке, каковы были мои шансы выбраться отсюда живой?

– В книжках, значит, – Макс вернулся из столовой со стаканом льда, в который я с удовольствием опустила пальцы. – Не хочу тебя разочаровывать, но если ты и дальше будешь ориентироваться на «Сумерки» и ко... Скажем так, лучше не надо.

Да уж, что влюбленных вампиров, готовых защищать тебя от всех напастей, тут не найдется, я уже поняла. Вместо них здесь – опасные хищники, ожидающие удобного момента, чтобы сожрать бедную меня.

– Значит, магия существует, – резюмировала я.

Ожоги, которые Райли начала заклеивать пластырями, это подтверждали.

– Как бы да.

– И вампиры?

– Угу.

– И оборотни?

На секунду блондин задумался.

– Смотря кого ты подразумеваешь под этим словом. Но вообще – все твои ночные кошмары. Я не преувеличиваю, – заметил он мой скептический взгляд, – легче сдохнуть, чем перечислить все существующие виды.

Весело...

– И вы всю жизнь об этом знали?

Оба синхронно кивнули.

– А ты?.. – осторожно поинтересовался Макс.

– А я собиралась поступать в МГУ, – с грустью поведала я. – Кстати, так что за Договор, о котором вы говорили?

– Договор между нами и людьми, – Макс устроил подбородок на сложенных ладонях и теперь внимательно изучал меня. – О том, что мы не нападаем, контролируем себя и адаптируемся в современном обществе.

«Мы». «Люди» – «они». Мне не нравилось это разграничение.

– Я так поняла, себя вы людьми не считаете?

– Ты людей видела? – фыркнул Макс.

Ну... да. Встречались пару раз.

– Это спорный вопрос, – Райли отозвалась дипломатичнее. – За последние тысячелетия, в отличие от других видов, мы сильно породнились с людьми, и по всем признакам мы люди. Но с определенными способностями к магии, которых у остального человечества нет. Да и обычные не очень рады такому родству... Поэтому среди нас есть те, кто называет нас альтернативно одаренными людьми, и те, – она бросила выразительный взгляд на Макса, – кто считает, что мы не люди.

«Обычные». Так вот что она имела в виду, рассказывая о своем бывшем парне... Стоп, но ведь, чтобы заключить такой договор, кто-то из людей должен был знать об этом мире и всех его... кошмарах?

– А кто следит за исполнением Договора? – осторожно поинтересовалась я.

– Мы сами. Сначала семья, затем университет – потому они и не выпускают никого, кто не докажет, что способен существовать во внешнем мире без угрозы для обычных.

Я способна существовать в нормальном мире, не угрожая его обитателям! Выпустите меня!

– Но если кто-то нарушит Договор, то за дело возьмутся Охотники, – добавил Макс. – И тогда нам всем не поздоровится.

Еще одна пафосная большая буква.

– Охотники? Вроде инквизиции?

– Почему инквизиции? – озадаченно переспросил меня Макс.

– Как, они же охотились за ведьмами в Средние века... Сжигали их, пытали и все такое.

– Твоих предков когда-нибудь трогала инквизиция? – недоуменно спросила рыжая у Макса.

– Нет, конечно. Они же не еретики были.

Ну да, просто колдуны...

– Просто маги, – закончил он, озвучивая мои мысли.

– Но вообще, – Райли приклеила последний из двадцати пластырей и отпустила мою руку, – почти никто не знает, вроде кого на самом деле Охотники. Только слухи. Они – тайна, страшилка, которой пугают нас в детстве. Не будешь слушаться, будешь себя плохо вести – придут злые дяди-Охотники и убьют всю твою семью...

Мне показалось, что Макс хотел возразить, но промолчал.

Однако. Оказывается, у чудовищ были свои чудовища. И они их боялись...

Разумеется, утром в спешке я забыла ключи.

Вчера, после того как София кинула мне связку, весившую почти килограмм, я положила ее на комод. Там она и осталась. Моя соседка куда-то убежала, что было в принципе неудивительно, день был в самом разгаре, а я... Потоптавшись некоторое время перед запертой дверью, я отправилась к Норе. Та сидела за своим столом и что-то строчила на компьютере с отчаянной скоростью и с таким же отчаянным выражением на лице.

– Наташа? – оторвалась она от экрана, когда я вошла в кабинет.

– Я не вовремя?

– Наоборот! Мне как раз надо тебе дать пару формуляров, – главная по этажу перевела компьютер в спящий режим и встала. – Пошли, посидим на кухне.

Как я уже говорила, мужское и женское общежития занимали левое и правое крыло главного корпуса. Посередине на первом этаже располагался громадный холл, а на остальных – общие помещения. На шестом большую часть пространства занимала гостиная, в которой группками стояли столы для учебы, мягкие кресла с диванами и лежали ковры с наваленными сверху подушками. А еще была общая кухня. В огромной комнате стояло сразу восемь плит с духовками, длина кухонной стойки составляла по меньшей мере метров десять, а одну из стен целиком занимал ряд холодильников. Открыв дверцу ближайшего к нам, Нора осмотрела целую армию йогуртов и достала себе один. Потом на стойку были брошены пачка печенья из шкафа, полностью забитого кондитерской продукцией, два пакетика с чаем и ложки. Согрев воду в чайнике, Нора принесла две чашки и заняла барный стул рядом с моим.

– Угощайся.

– А это... чье?

Меток на продуктах не было, да и количество наводило на размышления – ну не верила я, что даже самый ярый фанат йогуртов способен закупить впрок несколько сотен стаканчиков.

– Общее, конечно, – удивилась она, отпивая чай. – Так вот, насчет формуляров...

Открыв ящик в кухонной стойке, она достала оттуда пачку листов.

– Во-первых, мне нужно, чтобы ты заполнила вот это. Список аллергий и особых пищевых потребностей.

Я пробежала документ глазами. Действительно, вторым вопросом после наличия аллергической реакции на продукты стояло требование перечислить редкие виды продуктов, постоянное наличие которых на кухне было обусловлено культурной, религиозной либо физиологической необходимостью. Интересно, что подразумевалось под последней...

– Во-вторых, как ты уже заметила, у нас весьма специфическое местоположение, – это еще было мягко сказано, – и в магазины тут не находишься. Поэтому раз в неделю мы собираем у студентов списки того, что им нужно купить.

Я взяла следующую страницу: внизу мелким шрифтом были напечатаны два пункта. Наученная горьким опытом, я прищурилась, разбирая буквы.

Первая строчка была предупреждением: «Закупка лекарств осуществляется только по рецепту от медицинской службы университета». Вторая... тоже.

«Уважаемые студенты, напоминаем вам, что ГООУПиОАатСДиРН является общественным местом. В связи с этим курение разрешено исключительно в комнатах студентов и исключительно по медицинским показаниям (для подтверждения показаний необходима справка от медицинской службы университета). По вопросам курительных смесей для ритуалов вызова и прорицания обращаться на склад Института оккультных наук.

Напоминаем, что ритуалы вызова на территории университета разрешены только в рамках учебной программы и только в том случае, если они санкционированы вашим научным руководителем. P.S. Напоминаем также, что ритуалы вызова не только запрещены, но и воспринимаются частью студентов как оскорбление. Вызывайте на свой страх и риск (см. Справочник по эффективной межвидовой коммуникации, стр. 6, а также Правила поведения на территории университета, ст. 13, п. 13)».

Я помотала головой, пытаюсь прийти в себя. Ритуалы вызова? Однако сейчас у меня были более насущные вопросы.

– А если мне надо...

– Все, что захочешь, – заверили меня. – Единственное – не всегда той фирмы, какой хочется. И есть еще кое-какие ограничения...

Конечно же есть. Не только же эти два сомнительных пункта.

– Цена вопроса? – перебила я Леонор, пока не услышала весь список ограничений.

– Бесплатно, конечно же. Почему ты не ешь печенье? Бери, не стесняйся!

Пачку пододвинули ко мне поближе, но я не обратила на нее внимания.

– Бесплатно? – переспросила я.

В это было сложно поверить.

– Конечно... Поэтому и есть определенные ограничения, сама понимаешь, бюджет, – затараторила Нора. Я с облегчением выдохнула: вот сейчас окажется, что под категорию «бесплатно» попадает только один процент товаров, и я пойму, что все еще нахожусь в реальном мире. – Все, что нужно для учебы и проживания, оплачивает университет, но есть пара исключений. Например, предметы роскоши. Туфли от Лубутена купить не получится, извини, только за твои деньги. Если, конечно, не докажешь, что тебе нужна именно их колодка. Или украшения. Однако артефакторы и студенты ювелирного факультета получают право на безлимитную покупку драгоценных металлов и камней...

Я перестала слушать уже после этого пункта. Откусила от шоколадной печеньки и погрузилась в мысли. Не поймите меня неправильно, но... что-то здесь не так. Бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке. А мне предлагали на халяву: а) связь и интернет; б) еду; в) вообще всё, что я захочу, начиная от вкусного печенья и заканчивая новым макбуком («Все, что нужно для учебы, – в первую очередь!»). В чем подвох?

Кроме того, что я застряла в этом месте на четыре года, а смертность среди студентов вряд ли снизилась с той поры, как они отказались от клятвы на крови (как там София сказала, десять процентов рассыпавшихся прахом?).

Внезапно вспомнилось легендарное «Переходи на сторону зла, у нас есть печеньки», и я чуть не поперхнулась. Может, меня действительно таким образом заманивали куда-то силы зла (а что, ректор очень даже подходил под это определение)? Иначе слишком радужно все выглядело.

Вопрос был только в том, куда, а еще зачем «силам зла» это было надо.

– Если хочешь что-то заказать по Интернету, возьми бланк из этой стопки, – продолжала Нора. – С доставкой, сама понимаешь, тоже некоторые проблемы...

Я понимала. Вряд ли даже DHL доставляла в мексиканскую пустыню, меняющую местоположение по десять раз в день.

– Так, с этим мы, кажется, разобрались. А зачем ты ко мне приходила? – спохватилась Нора. – Какие-то вопросы?

– Один. У тебя нет запасного ключа от моей комнаты? Я свой утром забыла.

– Нет, – искренне расстроилась блондинка. – А Софии сейчас нету? Я напишу ей, спрошу, где она.

Наманикюренные пальчики запорхали по экранной клавиатуре.

– Она у медиков, спрашивает, можешь ли ты подождать минут двадцать.

Я кивнула. Подожду, конечно, куда мне деваться.

– Окей. Тогда она скоро подойдет.

– Передай ей, что я, наверное, подожду ее в холле.

– Готово, – Нора отправила сообщение. – А почему именно там?

Потому что, возвращаясь с макроэкономики, я заметила информационный стенд. И мне не терпелось его как следует разглядеть.

На стене у входа висела доска объявлений. Самую большую ее часть занимали плакаты клубов и секций, зазывавших к себе. Дальше шли потерянные и найденные вещи... Прочитав следующее объявление, я нахмурилась. Крупными яркими буквами там было написано: «Хочешь раскрыть все свои способности? Надоело быть нищим? Хочешь стать знаменитым? Нужны деньги? Считаешь, что достоин большего? Тебе поможет Адский Труд! В случае интереса обращаться в Офис потустороннего трудоустройства». Кажется, баяны из интернета проникли на территорию ГООУ вместе с вайфаем. Но потустороннее трудоустройство... Мне вспомнились слова Софии про «наш мир», и смеяться расхотелось. Остальные вакансии были менее одиозны и относились к различным должностям из студенческого самоуправления и обычным подработкам в кампусе: главный по этажу, помощник библиотекаря, младший редактор студенческой газеты... Отметив очень даже конкурентоспособную зарплату, я пообещала себе попозже вернуться к этой части объявлений.

Под доской на столе в жутком беспорядке валялись брошюры и буклеты. Первая же попавшаяся оказалась картой университета, которую я с любопытством раскрыла. И закрыла, понимая, что без пол-литра хотя бы кофе в ней не разобраться. Карта отправилась в карман джинсов. Со следующей находкой мне повезло больше. «Краткий справочник первокурсника», невзирая на краткость, насчитывал почти сотню страниц мелким шрифтом, и все же мне показалось, что я наконец-то набрела на нормальный источник информации. На первой странице было напечатано обращение ректора. Посмотрим.

«Дорогой студент, спасибо за выбор нашего университета (ах, так это был выбор!). ГООУПиОАатСДиРН является непревзойденным лидером обучения в своей сфере («Конечно, – мстительно подумала я, – еще бы не быть лидером, когда подобным образованием занимается всего один вуз в мире»), и мы с гордостью можем сообщить, что это место ГООУПиОАатСДиРН занимает по праву. Кроме большого выбора учебных программ (полный список см. стр. 5–23), ГООУПиОАатСДиРН также может предложить разнообразные возможности для проведения досуга (для информации о студенческих сервисах и клубах см. стр. 49 и далее). Наш университет также славится своей историей и традициями, с которыми ты сможешь ознакомиться, прочитав этот справочник (спасибо, с одной уже познакомилась, до сих пор голова как в тумане).

Для многих начало учебы в университете становится новым отрезком жизни. Этот период может показаться сложным и необычным (да ладно!), поэтому мы составили для тебя этот справочник. Надеемся, что информация, содержащаяся в нем, облегчит процесс адаптации в ГООУПиОАатСДиРН и поможет тебе как можно скорее влиться в жизнь университета.

Мы надеемся, что в ГООУПиОАатСДиРН ты не только получишь уникальный опыт (в этом можете не сомневаться) и знания, необходимые для дальнейшей жизни и построения успешной карьеры, но и найдешь дом, в котором тебе всегда рады, и людей, которые тебе всегда рады.

Желаем тебе успешной учебы и насыщенной студенческой жизни!

И помни: мы видим всё. Мы знаем всё».

К концу текста комментарии у меня закончились. Некоторое время полюбовавшись уменьшенной копией знаменитой работы Малевича на месте фотографии, я перевернула страницу.

Программа обучения. А вот это – как раз то, что мне было нужно! Так, бакалавриат официально четыре года, как сейчас почти везде. Сначала семестр из вводных лекций, примерно одинаковых для всех направлений, а потом уже специализация. Там еще было что-то про то, что «некоторые лекции могут являться обязательными для посещения представителями определенных видов и недоступными для остальных студентов», но мне было не до того: я спешила к своему будущему! Однако не успела я найти микробиологию в списке специальностей, как кто-то подкрался ко мне со спины и обнял.

– А я уже решил, что ты меня избегаешь, – вкрадчиво сообщили у меня над ухом.

Кое-как вывернувшись из объятий, я посмотрела снизу вверх на атаковавшего меня парня. Ой. Когда-то давно одна подруга спросила, есть ли у меня любимый типаж, и я призналась, что есть. Темные волосы, бледная кожа и светлые глаза; уж не знаю почему, но такое сочетание я находила особенно привлекательным. Накинувшийся на меня незнакомец под это описание как раз подходил. У него были прямые черные волосы (давно не стриженные, педантично отметила я про себя), мраморно-белая кожа, аристократический профиль с чуть длинноватым носом, подрагивающие уголки тонких губ, готовых в любой момент растянуться в усмешку, и глаза... Зеленые. Темные и яркие одновременно, как бутылочное стекло, когда попадает на свет. Всегда считала выражения вроде «в них хотелось утонуть» бездарным клише, но что-то такое в них было, манящее и притягательное. Я моргнула, пытаюсь прогнать наваждение.

– Мы знакомы?

Заправив за ухо мешавшиеся пряди (в ухе при этом блеснуло серебряное колечко-хеликс, заставившее сердце пропустить удар), он ухмыльнулся, словно я сказала что-то смешное.

– Вот, значит, в какую игру ты играешь, крошка?

«Крошка». Уже второй раз за день. О да, мы точно были знакомы. Парень сразу же показался менее привлекательным.

– Так ты тот придурок, который названивал мне на лекции?!

– Диз, вообще-то, – флегматично поправил он, не обижаясь на «придурка».

– А полностью?

– Диз.

Меня это объяснение не удовлетворило.

– Диз... а как полностью? Как дизель? Дизайн? Дизентерия?

– Как смерть.

Это еще как? Мысленно перебрав возможные варианты, я ни к чему не пришла и озвучила вопрос.

– D-E-A-T-H, как еще. А-а, – в его глазах забрезжило понимание, – ты не англоязычная.

– Россия, – призналась я.

Вообще-то я считала, что death произносится иначе, но ему виднее, он с этим именем живет. Однако должна заметить, что его родители были теми еще оригиналами...

– Россия? Водка, балалайка, медведи?

Парень решил блеснуть эрудицией. Зря.

– Не забудь еще матрешек и клюкву, – посоветовала я сквозь зубы.

Почему у всех одна и та же реакция? Пьяные медведи в ушанках танцуют балет на вечно заснеженных улицах. Тьфу.

– Что такое клюква? – нахмурился он.

Интересно, это он сейчас серьезно или опять издевается?

– Ягода такая. Забудь. Короче, Диз, шутка затянулась и мне уже надоела. Не знаю, откуда у тебя мой номер...

– Ты мне сама его дала.

В ответ на мое крайне недоверчивое выражение лица он достал из кармана смартфон, покопался в нем и протянул мне. На экране высветился мой номер и надпись рядом: «Наташа». Интересно...

– Так ты действительно не помнишь? – его эта ситуация забавляла.

– А есть что помнить?

Судя по оскорбленной mine, теперь он обиделся. Да только я ему не верила.

– Крошка, ты меня ранишь в самое сердце, – осклабился он.

«Крошка», «малышка», «детка». Ненавижу, ненавижу, ненавижу. Думаю, вы бы меня поняли, если бы ваш рост ненамного превышал отметку в полтора метра. Ткнув парня в грудь брошюрой, которую все это время держала в руках, я грозно на него посмотрела. Эффекта взгляд не произвел. Неудивительно, учитывая, что противник был сантиметров на сорок выше меня.

– Еще раз назовешь меня крошкой, и...

– И что, крошка? – с интересом спросила эта сволочь.

Нафиг. Насилие – это не вариант. И наверняка запрещено университетскими правилами.

Нафиг. Нервы – ресурс конечный и невозобновляемый, надо их беречь.

Нафиг. Лучше подожду Софию у нас в коридоре. С этой мыслью я направилась к дверям в общежитие.

– И ты меня так бросишь? После всего, что между нами было? – горестно завопили мне вслед.

Издевающаяся скотина. На этот раз точно издевающаяся: на его лице расплылась широкая и крайне довольная ухмылка.

Я развернулась и подарила ему легкомысленную улыбку.

– А ничего не было.

– Ты же не помнишь, было или не было, – посмеиваясь, заметил парень... Диз.

Аргумент был логичным, не спорю. Да только вот...

– Нет, – я улыбнулась еще шире и толкнула дверь. – Но я знаю себя. Поэтому знаю, что ничего не было... крошка.

После насыщенного первого дня я ожидала, что усну, как только голова коснется подушки. Думала, что провалюсь в темноту и очнусь только со звоном будильника утром.

Но нет. Вплоть до прихода Софии в половине пятого утра я ворочалась в кровати, не находя себе места от нервов и беспокойства. Только перед самым рассветом удалось наконец

забыться в тревожной полудреме.

И до утра мне снились осенние костры, горевшие в ночи.

Глава 2. Компьютерный вирус и кафедра бессознательной литературы

Хорошо, что на следующий день занятия у меня начинались только после обеда, – можно было переставить будильник на пару часов позже и выспаться.

Можно было бы. Если бы речь шла об обычном общежитии обычного университета. К сожалению, речь шла о ГООУ, и покой нам даже не снился. Пронзительно громкая противопожарная сирена взвыла в половине седьмого утра. Не проснуться было невозможно – разработали ее на той же фирме, что изготовила иерихонские трубы. Нечеловеческий вой заставил подскочить на кровати, моментально забыв про сон. Попутно я врезалась локтем в комод; стопка книжек с правилами и указаниями радиовому студенту опасно зашаталась, грозя свалиться на пол.

– Опять? – простонала София.

В отличие от меня, она, как давний житель ГООУ, даже не шелохнулась. Обидно. Я потеряла ушибленный локоть и спросила:

– И часто у вас такое бывает?

Сигнализация на некоторое время замолкла. Я, успевшая уже сунуть одну руку в рукав халата, замерла, думая, что делать дальше. София оказалась мудрее: забралась еще глубже под одеяло, напрочь игнорируя инструкцию по эвакуации. Может, и мне так поступить? Вдруг это учебная тревога? Будто в ответ на мои мысли сирена снова взвыла. В этот раз компанию ей составило висевшее в коридоре радио, прохрипевшее «Внимание! Это не учебная тревога, всем покинуть здание». Скрипя зубами, соседка вылезла из постели и потянулась за плащом. Похоже, проигнорировать не получится. Жаль.

Толпа отчаянно зевавших и протиравших глаза студентов собралась у выхода и с максимальным для такого раннего часа интересом наблюдала за чем-то вдалеке. Я перевела взгляд и вздрогнула: над горизонтом бесшумно распустился ярко-оранжевый гриб предположительно ядерного происхождения. Я запаниковала. Что это? Теракт? Война? Почему нас вывели наружу вместо того, чтобы засунуть в какой-нибудь бункер (только не говорите, что в университете, расположенном вне пространства и времени и насчитывающем более двух сотен корпусов, не нашлось места для какого-нибудь убежища)?!

«Спокойно, – мысленно велела я себе, – у руководства университета всё под контролем. Это совершенно безопасно, иначе нам не велели бы спуститься на улицу. Всё в порядке...»

Самоубеждение, впрочем, не сильно помогло, в отличие от усиленного рупором крика:

– Всем студентам факультета алхимии – немедленно к ректору! Живо!

Мозг снова впал в панику, услышав в одном предложении «алхимия» и «ректор». Интересно, а ко мне это относилось? Я ведь к ним на курс записалась. Помявшись, я спросила у Софии, шипевшей что-то про придурков, не умеющих держать руки и мозги при себе.

– Едва ли, – пробурчала она, понемногу успокаиваясь. – Это, скорее, к тем, у кого специализация. Идиоты. Пошли, что ли, дальше спать?

– А что, это всё? – поразила я.

Видимо, да. Позевывая в кулак, толпа разбредалась: кто в общежитие – досыпать, кто в столовую – за ранней чашкой кофе.

Спокойно, расслабленно, как будто над нами не висел ядерный гриб.

Может, мне показалось? Может, мне до сих пор все это кажется?

Может, все произошедшее с момента моего появления в ГООУ – бред моего воображения, а сама я лежу в коме после того, как меня сбила машина?

Стоп. Так и свое существование отрицать начать можно.

– Что это вообще было? – рискнула я поинтересоваться у соседки. – И это точно не опасно?

– Как это что? Алхимики.

И опять всё та же выдержка, видимо, свойственная студентам ГООУ.

Алхимики... А ведь у меня с ними занятие сегодня. И я уже не знала, радоваться мне или бояться. Здравый смысл подсказывал, что скорее второе.

Куда я попала?

Вернувшись в комнату, я вяло поняла, что все равно не засну, и поплелась за кофе. Который, увы, не слишком помог. Прозрачно-коричневатая бурда, с непривычки получившаяся из навороченной кофемашины, не подняла боевой дух и не заставила организм проснуться, а только добавила горечи во рту и плохого настроения. Холодный душ тоже не исправил ситуацию.

На часах было восемь утра, до ближайшей пары оставалось больше шести часов свободного времени. Которое можно было бы потратить на изучение университета, разгадывание тайн вселенной, но... желания не было. Мало того что подняли ни свет ни заря, так еще и сон оставил после себя тревожное, слишком реальное ощущение – словно я снова в темноте бродила среди костров. И словно от меня опять что-то ускользало, как память о той ночи.

Поэтому я последовала примеру Софии и завалилась на кровать с книжкой. Правда, в отличие от нее я выбрала не Кафку (серьезно? Да ни один человек не способен читать «Превращение» с утра пораньше!), а найденный вчера справочник ГООУ. Хреновый из меня получился путешественник по измерениям, нелюбопытный. Вместо того чтобы, подобно литературным героям, отправиться исследовать место, в которое меня занесло, я... просто осталась в комнате. Единственным, что утешало, был тот факт, что в какой-то степени чтение справочника тоже могло считаться изучением ГООУ.

Любопытно, что история ГООУ напечатана не была. Я уже настроилась на описание захватывающего противостояния полумифических Охотников и местных резидентов, неведомого мне Договора в духе «Дозоров», но нет. Вместо этого в одном абзаце («ГООУПиОАатСДиРН был основан более полутора веков назад и с тех пор приобрел репутацию уникального учебного заведения») авторы вежливо посылали читателей... в библиотеку. Где хранился приказ об основании ГООУПиОАатСДиРН, на который мог взглянуть «каждый, ознакомившийся с правилами библиотеки университета и не испугавшийся последствий использования ее ресурсов». После такого предупреждения посещать библиотеку резко расхотелось.

Мысли о ГООУ прервал знакомый сигнал. Настолько знакомый, что мозг даже сразу не сообразил, откуда он доносится. И настолько реальный и обыкновенный, что казался здесь совершенно не к месту.

– У тебя скайп звонит, – подсказала София.

К тому моменту компьютер, который я забыла выключить вечером, надрывался.

Посмотрев на аватар звонившего, я испуганно замерла. Родители. Которые совсем скоро зададутся вопросом, почему я не отвечаю. Скосив глаза на окно – слава богу, атомный гриб скрывала тюлевая занавеска, – я быстро нажала кнопку ответа.

– Привет, – постаралась я соорудить на лице самую позитивную улыбку.

Так, чтобы ничего не забыть: я в Москве. Сейчас осень – хотя здесь это не заметно, вчера было градусов двадцать пять, сегодня не намного меньше. Надо посмотреть, сколько сейчас в Москве. И сколько сейчас там времени тоже, а то мне сразу вспомнились рассказы Софии про часовой пояс «как в Иркутске и Калифорнии».

Соседка, кстати, стоило мне включить связь, поднялась и начала собираться. Я даже не успела подхватить ноутбук, чтобы переместиться с ним в общую комнату, как она жестом велела мне сидеть и захлопнула за собой дверь. Неудобно вышло.

– Что? А, да, соседка по комнате. София. Нет, она ничего...

В панике, как бы не соврать чего-то особо неудобоваримого, я постаралась поскорее свернуть разговор. А как иначе? «Да-да, у меня все хорошо, из окна наблюдается потрясающий вид, но вы не переживайте, облучению радиацией я не подверглась» (кстати, а точно ли не подверглась? Надо у Норы попросить счетчик Гейгера на всякий пожарный). Поэтому я поскорее оттарабанила цензурную версию новостей, соврала, что у меня сейчас как раз планы, собираемся в Алмазный фонд (почему Алмазный фонд? Это вообще в Москве? Надо было назвать Кремль или Третьяковку, хотя нет, Третьяковка бы не прокатила, меня даже в Эрмитаж с большим трудом можно было затащить), понадеялась, что мне поверили, поспешно попрощалась, оставила компьютер качать системные обновления и отправилась искать соседку.

Как я выяснила, открыв дверь, София все это время просидела на полу в коридоре.

– Извини, – пробормотала я, чуть не споткнувшись о нее на пороге.

– Все нормально, – она с независимым видом прошла в комнату и снова устроилась на кровати. – Волнуются?

В вопросе слышалось искреннее участие.

– Еще как, – улыбнулась я и пояснила: – Единственный ребенок. К тому же в моей семье никто никогда не переезжал в другой город ради такой мелочи, как получение высшего образования.

София понимающе кивнула, и я решила, что это подходящий момент, чтобы разговорить ее на личные темы. А то странно ведь: нам жить вместе, а я знаю только ее имя и национальность.

– А твои? – осторожно спросила я. – Они знают, где ты учишься?

– Да.

Краткость – сестра таланта. А еще – применительно к ответам – кухня плохого настроения.

– И как они к этому относятся?

София отвернулась к стене, с преувеличенным интересом листая книжку.

– Мы не особо близки.

Попытка провалилась. Опять, как при вопросе, кто она, София замкнулась в себе. Черт, да что с ней такое? Вроде и не особо странная, как мне показалось на первый взгляд, даже добрая: помогла мне с расписанием, интересуется моей жизнью, – а стоит задать вопрос о ней самой – всё. Камень. Кремень.

Ну да ничего, рано или поздно либо она откроется, либо я и так к ней привыкну.

Пока же я вернулась к справочнику. На этот раз – к разделу со знаменитыми выпускниками ГООУ, «прославившими университет великими и ужасными деяниями».

– Ты что-то печатаешь? – обратилась ко мне София спустя какое-то время.

Я зачиталась описанием эксперимента одного выпускника кафедры биоинженерии и не сразу поняла, о чем меня спрашивали. Чувак сумел перекодировать бактерию *E. coli* так, чтобы она генерировала кровь в организме, – и у него получилось, она нормально функционировала, причем не только в теории или лаборатории. Единственная проблема заключалась в том, что у бактерии открылся побочный эффект: в то время как она заставляла организм вырабатывать кровяные тельца, бактерия с большим аппетитом ими питалась. Незапланированный побочный эффект, без сомнений.

София повторила вопрос.

– Нет... – я даже еще не подключила ноутбук к стоявшему на подоконнике принтеру.

Который все же что-то печатал. Я подобрала с пола один из рассыпавшихся листков и замерла.

– Что за...

Буквы, напечатанные изумрудно-зелеными чернилами, не принадлежали ни к одному из известных мне языков. Но и на неправильную кодировку тоже не походили. В замешательстве я взяла следующую страницу. Тут уже шла латиница, но либо это была какая-то абракадабра, либо цитаты из Лавкрафта. А это еще что? Вглядевшись в черно-белую картинку над объявлением, я покраснела. Принтер выплюнул очередную распечатку. Надо что-то решать, пока бумага с чернилами не закончилась.

Сотовый Софии был отключен, компьютера или планшета я у нее не видела. Получается, виновником произошедшего была я. Хотя как – решительно не понимала. Я и за компьютером-то сидела всего ничего: посмотрела почту вчера и сегодня в скайпе поболтала... Я оглянулась на ноутбук и не нашла его. Это еще что за чертовщина, только что же был на месте!

– Посмотри выше, – посоветовала София, заметив мои панические метания по комнате.

Я послушалась. Мой милый, дорогой ноутбук с поцарапанной серебристой крышкой и многочисленными наклейками на ней завис в воздухе в метре от письменного стола.

Еще неделю назад, увидев летающий компьютер, я бы завизжала и для самообороны вооружилась табуреткой. Но пребывание в ГООУ с каждым часом все больше закаляло нервную систему, и потому я молча полезла на стул, пытаясь поймать ноут.

Не тут-то было! Словно издеваясь, ноутбук выскользнул у меня из рук и поднялся выше, остановившись под потолком. Мы проследили за его полетом и одновременно вздохнули. На заднем плане принтер продолжал выплевывать новые и новые листки. Думаю, было бы разумно предположить, что эти две странности как-то связаны.

– Нужно что-то делать, – резюмировала я.

– Ага.

София подошла к подоконнику и вынула из лотка чистую бумагу. Принтер возмущенно заскрипел и закашлялся, семафоря ошибку красными огоньками.

«Вспоминай», – скомандовала я себе. Было же что-то... Точно! На моем комод в стопке нечитабельных брошюр лежал «Список важных телефонных номеров ГООУПиОАатСДиРН». Буква «I» быстро нашлась, а с ней и «IT-сервисы».

Хотелось бы надеяться, что, учитывая все то странное, что творилось в ГООУ, они знали, как бороться с ноутбуками, убежденными в своей невесомости. Вместо гудков в

трубке прозвучал автоответчик.

– Вы позвонили в IT-сервисы ГООУПиОАатСДиРН. Ваш звонок очень важен для нас, однако, прежде чем обращаться в компьютерную помощь, проверьте, что ваша ситуация относится к нашей зоне компетенции. Если в ваш компьютер вселился полтергейст, просим вас обратиться в Департамент паранормальной активности. Для того чтобы связаться с ДПА, нажмите кнопку «один»... – сообщил вежливый, но холодный женский голос в записи.

– Это похоже на полтергейста? – шепотом уточнила я у Софии.

– Нет.

– Думаешь?

– Точно, – заверила она меня.

– Если вы обнаружили у своего компьютера признаки автоматического письма, советуем вам обратиться в Литературный институт. Чтобы связаться с кафедрой бессознательной литературы, нажмите «два»...

Увы, у нас было не столько автоматическое письмо, сколько автоматическая печать.

– Если вы считаете, что ваш компьютер одержим бесом или другой потусторонней сущностью, вам поможет кафедра экзорцизмов. Для связи с Теологическим факультетом нажмите кнопку «три»...

И так до нуля. Теперь я знала, что делать, если у компьютера стал появляться собственный разум (позвонить на кафедру неодушевленной психологии), к кому бежать, если поведение компьютера изменилось в результате магических либо алхимических экспериментов (к магам и алхимикам соответственно – сами кашу заварили, пусть сами и расхлебывают), но не нашла ни одного случая, при котором IT считал бы себя ответственным. А я была вовсе не уверена, что экзорцисты с психологами мне сейчас помогут.

Прослушав сообщение еще раз, я поняла, что, если IT не идет к пользователю, пользователю придется идти к IT.

Центр коммуникаций ГООУ с виду больше походил на четырехэтажный склеп в классическом стиле. Белый мрамор, торжественно строгие колонны, поддерживающие портик, и полное отсутствие окон. Неожиданное архитектурное решение, но не самое странное в ГООУ.

Начищенная до блеска латунная табличка гласила, что здание занимали пресс-служба университета, факультет некромантии, кафедра маркетинговых коммуникаций и PR, тренинг-центр по социальной компетенции, редакция студенческой газеты и IT-сервисы. По какому принципу в коммуникационном центре оказалась половина организаций, я не понимала. Ладно еще, некромантию можно было рассматривать как общение с загробным миром (тот факт, что само наличие факультета некромантии меня уже не смущало, говорило многое о моем состоянии на третий день в ГООУ). Но техподдержка? Разве что IT воспринимались администрацией университета как умение разговаривать с техникой.

С другой стороны, мне-то что? Лишь бы компьютер починили.

Поднявшись на второй этаж, я постучала в дверь с нарисованным на ней пингвином. Ответа не было. Тогда я постучала еще раз, но безрезультатно. Не дождавшись реакции, толкнула дверь и вошла.

– Простите, можно?

Компьютерщик сидел спиной ко входу и не видел меня. И не слышал – в наушниках

громко звучал металл, а сам он, забросив ноги на стол, откинулся в кресле и дирижировал музыке зажатым в руке карандашом.

– Простите, – повторила я и, перегнувшись через стойку для посетителей, похлопала его по плечу.

Музыка сразу же выключилась. Он запрокинул голову и распахнул глаза.

Ярко-зеленые и очень знакомые глаза.

– Ты!

– Ты.

Но если моя реплика прозвучала обвинительно, то в его голосе сквозило недоумение: мол, что я тут забыла?

Вчерашний парень (как там его звали? Мистер Смерть?) встал с кресла и решил опереться на стойку, даже так возвышаясь надо мной почти на голову.

– Уже соскучилась по мне, крошка? – осклабился он.

«Мечтай!»

Надеюсь, все то, что я хотела сказать, но не могла из вежливости и воспитания (а также из боязни, что единственный обнаруженный айтишник меня пошлет после возмущенной тирады), отразилось в моем взгляде.

– Тогда зачем пришла?

Интересно, а много ли поводов у людей для визита сюда? Может, в IT здесь принято забежать просто так, по дороге, чаю попить?

– С компьютером проблемы.

– А, – поскучнел Диз. – Извини, но консультации по телефону. Вживую только если случай совсем хреновый. Номер подсказать?

Я внимательно оглядела его рабочее место.

– Это по тому телефону, на котором странная переадресация и трубку от которого ты так предусмотрительно снял? – уточнила я.

Айтишник обернулся: светло-желтая лаковая трубка от старого аппарата с наборным диском лежала на стопке компьютерных журналов. Крыть было нечем.

– Туше, – признал он с обаятельной улыбкой. – Ладно, что у тебя?

Как объяснить, что компьютер свихнулся, висит в воздухе посреди комнаты и печатает всякую абракадабру, чтобы тебя при этом не сочли сумасшедшей? Подумав, я прямо так и сказала. В конце концов, сумасшествие – понятие в ГООУ весьма относительное. Диз не стал смеяться над моими заявлениями и только поинтересовался:

– А что именно он печатает?

– Начал с листовок студенческого общества любителей тантрической магии, что бы это ни значило... – Почувствовав, как у меня загораются щеки (а по приложенной иллюстрации даже я поняла, что это означало), я поспешила сменить тему: – А потом перешел на какую-то тарабарщину.

Покопавшись в кармане джинсов, я достала сложенный листок:

– Вот. Шаб-Ниггурат Ка...

Мужская ладонь крепко запечатала мне рот.

– Поверь, крошка, ты не хочешь привлечь внимание того, кому принадлежит это имя, – вкрадчиво посоветовали мне.

Убедившись, что я не продолжу, Диз отнял руку от моего лица.

– Что-нибудь качала?

Я заверила его, что ничего.

– Новые программы устанавливала?

С момента переезда в ГООУ – нет.

– Обновления ставила?

А вот с этим уже было не поспорить...

– И что это? – решила я узнать диагноз.

– Скучота. Обычный вирус.

Обычный? Обычный?! Определенно, это был очень странный мир.

– И как мне от него избавиться? Поможешь?

Диз с незаинтересованным видом пожал плечами.

– А что мне за это будет?

Не поняла. В телефонной книге под номером стояло: «Любая компьютерная помощь студентам и сотрудникам ГООУПиОАатСДиРН. Бесплатно. 24/7».

– Я думала, это входит в твои служебные обязанности, – ехидно заметила я.

– Входит, – не стал он отрицать. – Но я не чувствую себя достаточно мотивированным, чтобы их сейчас выполнять. Зайди на следующей неделе, может, передумаю.

Какая следующая неделя, он, что, издевается? Мне ноутбук нужен сейчас, сегодня! Мне на нем еще домашнее задание по макроэкономике делать! Мысленно перебрав всё, что могла ему предложить, я остановилась на следующем варианте:

– Как насчет такого соглашения: ты починишь мне компьютер, а в ответ, – в его глазах промелькнул огонек интереса, – можешь весь день продолжать называть меня крошкой, и тебе не придется знакомиться с моим перцовым баллончиком.

– У тебя действительно есть перцовый баллончик?

Я ответила ему самым невинным взглядом. Конечно же, у меня был баллончик. Единственный ребенок очень ответственно и серьезно подходивших к процессу воспитания родителей, да и тот (в данном случае та) полтора метра с кепкой. Так что у меня были и курсы самообороны за плечами (как будто они помогут при моем телосложении), и перцовый баллончик... насчет использования которого я уже почти не шутила.

Айтишник озорно улыбнулся.

– Заманчивое предложение, – он подхватил со стола флешку на синем шнурке. – Ладно, согласен. Пошли, крошка.

С этим, правда, вышла заминка, потому что в дверях мы столкнулись с еще одной посетительницей. Симпатичная полная латина с нежно-салатовым ирокезом на голове бросила на меня быстрый взгляд и коротко спросила у Диза:

– Она?

– Она, – подтвердил компьютерщик.

Надо же, им почти слово в слово удалось повторить наш первоначальный разговор. И что значило «она»? Диз что, про меня ей рассказывал?

– Каталина, моя напарница, – представил нас Диз. – Наташа.

На этот раз мы оба удостоились более внимательного разглядывания. Вторая айтишница хмыкнула. Да уж, тут было что сравнить. Почти два метра черного и серебра (такое ощущение, что они с Софией на шопинг вместе ходили) – и я: полтора метра, старые джинсы, футболка с нарисованными нимбом и крылышками, половина пальцев после вчерашнего ожога замотана пластырями.

– Да, я уже вижу здесь иронию, – заключила Каталина.

Прошу прощения? Но прежде чем я успела спросить, на что она таким оскорбительным образом намекала, Диз вытолкнул меня за дверь, попутно давая ей указания:

– Проследи, чтобы, пока меня не будет, никто не звонил. Ладно, крошка, – убедившись, что Каталина осталась позади, он сбавил темп, – куда идем?

– В общежитие.

– Которое из них? – уточнил он.

А что, их несколько? Видимо, по моему лицу стало понятно, что для меня это новость, потому что айтишник попросил:

– Брелок покажи.

Увидев пентаграмму, он довольно кивнул:

– Агриппа. Да мы соседи. Пойдем.

– Почему Агриппа? – спросила я, теребя в руках ключи.

Диз пожал плечами.

– Не знаю. Почему здания называют в честь известных личностей? – заметив мое непонимание, он пояснил: – Агриппа? Генрих Корнелиус? Знаменитый оккультист и алхимик? Под какой горой ты провела свое детство, что никогда о нем не слышала?

– Под той, где считают, что ничего этого, – я обвела рукой студгородок, – магии, алхимии... драконов... не существует.

От изумления он даже остановился.

– Серьезно?

Надо придумать какую-то отмазку, которая, с одной стороны, позволяла бы избегать подобных признаний, а с другой – объясняла бы, почему я ничего не знаю про их мир. Шел, упал, очнулся, амнезия? А то уже надоело, что на меня смотрят как на диковинную зверюшку.

– Извини, – догнал меня айтишник.

Я промолчала. Я понимала, что для них мое незнание тоже было внове, но это не означало, что их реакция мне нравилась.

– И чем этот Агриппа знаменит? Тоже что-то взорвал?

– Почти, – хмыкнул айтишник, галантно придерживая мне входную дверь. – Взорвал мозги своих читателей. Сначала написал хэндбук по магии и оккультизму, а потом заявил, что магии нет. Какой этаж?

– Шестой.

– Ха, а мы действительно соседи.

Старинная лифтовая клетка со скрипом довезла нас до нужного этажа. Похоже, мы пришли как раз вовремя: даже в коридоре были слышны гневные восклицания, доносившиеся из нашей с Софией комнаты.

– Это невыносимо! – пожаловалась соседка, когда я вошла. – Я понимаю, принтер, но как, черт бы его побрал, он подключился к холодильнику?

В ответ на ее слова свет в холодильнике загорелся и вновь погас. Надо же, отключился. Но чего она так переживала, я все равно не понимала. Как будто у нас там было что-то съестное, кроме бутылки вишневого сока и пачки (отвратительно размокших, кто их вообще держит в холодильнике?) хлебцев.

Она обернулась и осеклась, заметив появление гостя.

– Привет, чудовище, – вежливо поздоровался он.

– А я надеялась, что ты уже в преисподней, – протянула она, в ответ на что Диз только

ухмыльнулся.

– Ну да, учитывая, сколько раз ты меня туда посылала... Прости, что обманул твои ожидания.

– Полагаю, вы уже знакомы, – заметила я.

Обстановка в комнате была какой-то неправильной. И в данном случае, говоря «неправильной», я имела в виду не «неловкой», а «недоброй» и «опасной для здоровья». Срочно захотелось куда-то сбежать и оставить их тут вдвоем выяснять отношения. Но сделать я это не могла, потому что о компьютере тогда все точно забыли бы.

– И где пациент? – поинтересовался айтишник.

Ноутбук к тому времени взмыл совсем к потолку и прятался у карниза. Посмотрев на высоту стен и на меня, Диз хмыкнул.

– Да, – сказал он, – теперь я понимаю, почему для тебя это проблема.

Ему смешно, а я, даже встав на два стула, не дотянусь! Впрочем, я сомневалась, что он смог бы. Ну давай, покажи чудеса эквилибристики, с удовольствием посмотрю.

Вместо этого он просвистел четыре ноты, в которых я с удивлением узнала мелодию выключения «Виндоус». А ноутбук, словно крыса на звук флейты гамельнского крысолова, спорхнул ему в руки. Диз рассеянно почесал его по крышке, как нашкодившего, но все равно любимого кота, и процессор довольно заурчал.

Кажется, в ГООУ IT-сервисы действительно включали в себя коммуникацию с техникой.

– Милый фокус, – как можно спокойнее прокомментировала я.

Диз усмехнулся, не отрываясь от монитора.

– Куда мне до тебя. Как ты умудрилась столько заразы за один день собрать?

Я, между прочим, тут вообще ни при чем. Сидела, никого не трогала, разве что примус не починая.

– Пожалуй, я продешевил...

– Чего еще ты хочешь? – обреченно спросила я, понимая, куда он клонит.

– Кофе.

Я недоуменно моргнула.

– Прости, что?

– Кофе, – повторил он. – Двойной эспрессо, добавить молока один к одному и две ложки сахара. Сделаешь, крошка?

Вот уж действительно наглость – второе счастье. Ладно... будет ему кофе. Я-то отлично помнила, что именно у меня получилось утром вместо чашки латте, а айтишник об этом даже не подозревал. Когда спустя четверть часа я вернулась в комнату, Софии там уже не было. Что, в принципе, было неудивительно, учитывая, что на Диза она разве что не шипела, как разъяренная кошка. Холодильник в углу привычно тарахтел, а айтишник, раздобывший где-то очки в строгой черной оправе, устроился за письменным столом и с интересом читал «Справочник студента» на заложенном мною месте.

– Твоя соседка просила передать, что будет вечером. Держи компьютер, – он обменял ноут на чашку с кофе. – Спасибо.

Я осторожно взяла компьютер в руки и приоткрыла крышку. На первый взгляд ноутбук выглядел как всегда. Из рук не вырывался, кусаться не пытался, вел себя вообще на удивление обычно.

– А...

– Лечилку я тебе скинул, лежит на рабочем столе.

Вот за это искреннее спасибо.

– Еще я добавил свои контакты в записную книгу. На случай, когда опять по мне соскучишься...

«Когда»? Даже не «если»? Вот это самомнение.

– ...Или если снова понадобится помощь в ловле компьютера.

Ладно, за второй пункт в принципе тоже можно было бы поблагодарить, если бы не тот факт, что...

– Значит, в контакты ты уже залез. Что еще? Может, и по жесткому диску пошарил?

– Немного. И не осуждаю, – нахально заявил он.

Чего? От такой наглости я выпала в осадок.

Интересно, сколько он успел увидеть... и что он именно он не осуждал? Готовые сочинения за одиннадцатый класс? Коллекцию любовных романов? Фотографии с бывшим? Надеюсь, не последнее. Они все-таки не зря лежали в скрытых папках.

– Спасибо за помощь, – холодно сказала я.

– И все?

Интересно, на что он рассчитывал?

По незнанию Диз сделал неосторожно большой глоток из чашки и тут же закашлялся:

– Ради всего святого, что это за кошмар?

– Твой кофе.

Нет, я так задержалась на кухне не потому, что пыталась приготовить варево пострашнее. Мне не десять лет, в конце концов! Я просто пыталась сварить вторую порцию – нормальную порцию – себе. Увы, упрямый аппарат не поддавался приручению.

– Знаешь, мы бы могли продолжить с того, на чем остановились... – после кофе его голос звучал уже не так уверенно.

Я его понимала. На его месте я бы тоже подумала, прежде чем связываться с человеком, неспособным разобраться с кофемашиной, у которой было всего четыре (Четыре! Не сорок и не четыреста, а только четыре!) кнопки.

– Это откуда же?

Диз тяжело вздохнул и после недолгих раздумий отставил чашку в сторону.

– Крошка, тебе никогда не говорили, что каждая шутка хороша лишь один раз?

– Так я не шучу.

Изумрудные глаза внимательно изучали мое лицо. Он что, считал, что я намеренно лгала? В таком случае его ожидало разочарование.

– Совсем-совсем ничего не помнишь?

Я честно подумала, прежде чем ответить.

– Выпивка у вас там была классная.

В комнате повисла неловкая пауза. Наконец он ухмыльнулся:

– Тебе никогда не говорили, что девушке не пристало напиваться до потери памяти?

– Не знаю. Может, как раз тогда говорили, да я забыла. Ты же вроде меня в ту ночь видел, что же не предупредил?

Ага! Крыть было нечем. Значит, либо не предупредил, либо... А был ли он вообще рядом со мной в ту ночь? Не складывалась картинка, даже для ГООУ со всеми его странностями. Потому что обстоятельства меняются, но мы – нет. Откуда он взял мой номер? Да, конечно, я могла познакомиться с кем-то на вечеринке и дать ему свой телефон, но не в тот же вечер, когда случайно оказалась за несколько вселенных от дома и чуть не умерла – дважды! Один

раз – в зубах этой пародии на дракона и один раз – в объятьях тентаклевидного монстра. Согласитесь, не самый подходящий момент для того, чтобы, выражаясь словами одной известной телепередачи, «построить свою любовь». И никогда, никогда бы я не дала свой номер Дизу. На таких, как он, я уже обжигалась.

А еще я была готова поспорить, что Дизу все это «продолжение» было не нужно. Иначе бы он сейчас не позволил так просто выставить себя за дверь под предлогом, что у меня скоро лекция. А он не просто позволил – он свалил, причем с явно написанным на лице облегчением. Вот и возникал закономерный вопрос: зачем ему понадобился весь этот провинциальный маскарад? И почему он уже второй раз возвращал разговор к ночи первого сентября? Определенно, здесь было о чем задуматься. Но потом. Сначала следовало пережить первое занятие по алхимии.

Корпус омега-омега-омега не зря так назывался. Располагался он действительно в самой заднице... в смысле, совсем на задворках ГООУ. Он даже на карту не попал: соответствующая стрелка указывала на правый верхний угол и была снабжена надписью «где-то там». Где-то там он и оказался... После получасовой пешей прогулки среди кактусов я начала задумываться: а насколько далеко простиралась территория университета? По прошествии часа думать я перестала, потому что узнала, что, оказывается, в пустыне под палящим солнцем может стать очень жарко. Даже если на календаре третье сентября. Когда прошло уже полтора часа, у меня появились зрительные галлюцинации. По крайней мере, мне хотелось на это надеяться.

Знакомый силуэт появился на горизонте и приближался с пугающей скоростью. Я тоскливо посмотрела назад – нет, никаких шансов. Отсюда даже нельзя было увидеть другие здания. И людей вокруг тоже не было. Вот он, видимо, и конец, обещанный университетским девизом. От зубов дракона. А еще говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает...

Но, не добежав до меня метров сто, дракон остановился. Я пригляделась и с облегчением выдохнула: с динозавриком нас разделял забор из тонкой проволочной сетки, снабженный характерным предупреждающим знаком. Безопасность! Цивилизация! Решив, что рано или поздно забор должен к чему-то привести, я двинулась вдоль него. Чудище потрусилو вслед за мной.

Нет, на самом деле оно было не таким страшным. Так, подумаешь, у него были когти, по сравнению с которыми Эдвард Руки-Ножницы выглядел безобидно, а его рот был усеян четырьмя десятками острых зубов, предназначенных для разрывания жертвы. В остальном же он, как я уже упоминала, больше походил на какого-нибудь дromeозаврида, доисторического прадедушку страуса. Но дракон? Правда? И я должна была в это поверить? Я скосила глаза на незваного попутчика. Разве они не должны быть величественными и прекрасными созданиями? А чешуя? У этого существа была скорее кожа, чем-то напоминавшая крокодилю. А крылья? Драконы же должны летать? Нет, если присмотреться, можно было заметить забавно выглядящую внешнюю сторону его передних лап, но взлететь оно явно не смогло бы. Чудовище в ответ на такой интерес приветливо улыбнулось, показывая клыки.

– И что, ты правда дракон?

Ответом мне послужила табличка на калитке – близнец объявления, украшавшего газон возле моего общежития. «Драконов не кормить». Даже грустно как-то: ни тебе мудрых советчиков, ни живых воздухоплателей. Одно только наследие мезозоя, решившее

поскрести когтями по сетке и вызвавшее сноп голубых искр. Вот так и перестаешь верить в сказки...

Стоп. Калитка. Вернувшись к ней, я обнаружила тропинку, ведущую к каменному особняку. Неужели я нашла корпус омега-омега-омега?

Увы, нет. Согласно табличке, обнаруженное здание было корпусом омега-омега-пси и факультетом криптозоологии. Омега-омега-омега стоял по соседству. И, глядя на него, я пожалела, что вообще направилась сюда. В отличие от классического архитектурного стиля омега-омега-пси, факультет алхимии располагался в... сооружении, стиль которого лучше всего описывался как «я тебя слепила из того, что было». Первый этаж был добротным, каменным. Второй – каменным лишь частично. Выше стены были залатаны листами фанеры и досками. Одного крыла не хватало, его место занимали строительные вагончики, а крыша... скажем так, даже на некоторых гаражах у меня под окнами она выглядела надежней. Внутри ситуация была примерно той же. Добравшись (пройдя мимо строительных лесов, мешков с цементом и странных приспособлений, которые неплохо бы смотрелись в лаборатории сумасшедшего ученого) до нужного кабинета, я оказалась в совершенно захлавленной комнате, где под книгами, чертежной калькой и лабораторным оборудованием с трудом угадывались парты. Некоторые из моих одноклассников успели расчистить себе место в этом бардаке, большинство предпочло устроиться на подоконниках.

– Добрый день, студенты!

А вот и представитель местных сумасшедших... в смысле, алхимиков. В твидовом костюме с замшевыми заплатками на локтях, сапогах, с горящим взглядом и защитными очками на голове. А, нет, не только очками: за поясом еще торчала пара нитриловых перчаток.

– Рад вас всех видеть, уверен, вам здесь понравится, – аудитория подозрительно затихла, – знакомиться не будем, это мы еще на экзамене успеем, лучше сразу займемся делом. Но! Прежде чем мы приступим к занятиям, вспомним главное правило нашего факультета! – профессор поднял указующий перст, собираясь передать нам мудрость поколений. – Итак, как звучит первое правило алхимика?

Аудитория молчала, никто не хотел отвечать. Дожидаясь, пока какой-нибудь отважный идиот не вызовет огонь на себя, я перевела взгляд вверх, куда указывал профессорский палец. Над классной доской красными, совсем не угрожающе выглядевшими буквами было написано «Правило № 1. Экспериментировать на студентах запрещено, как бы вам ни хотелось попробовать. Декан». Декан? Я моргнула, но подпись не изменилась. Не ректор? Точно? Господи, а деканом-то здесь кто работает? На всякий случай я сделала шаг назад, подальше от предупреждения. Группа все еще стояла, словно воды в рот набрав. После пятиминутного ожидания (а преподаватель-то терпеливый попался!) я не выдержала и подняла руку. Эх, плохо быть храброй и ответственной одновременно.

– Не проводить экспериментов над другими студентами?

– Неверно! – просиял профессор. – Иначе как бы мы получали столь нужную информацию? Нет! Первое правило алхимика: если что-то пошло не так (а оно всегда идет не так) – ноги в руки и беги, пока никто не нашел виновного. Запомните это, студенты, и вас ждет долгое и интересное обучение.

А если не запомним? Одному из студентов пришел в голову тот же вопрос, и он его озвучил.

– Тогда вас, скорее всего, разорвет толпа, – пожал плечами преподаватель. – Впрочем,

линчевание осталось большей частью в прошлом, теперь вас ждет судьба похуже... – Класс замер, заинтригованный перспективами выживания. – Общественные работы! Ну а теперь, если вопросов нет, то на этом всё. Я научил вас всему, что знал, можете начинать.

Я снова подняла руку и указала на доску:

– Простите, а как же это правило?

– Это? Это не правило, – легкомысленно отмахнулся от меня профессор, – а так, пожелание.

Я посмотрела на алые потеки, выглядевшие так, будто кто-то долго и с удовольствием размазывал по стене кровь поверженного врага. Нет, в моем представлении это было определенно не пожелание. Как минимум предупреждение. И очень действенное. На всякий пожарный я зареклась проводить эксперименты над собратями по альма-матер. И вообще какие-либо эксперименты.

А лекция, похоже, на том и кончилась. По крайней мере, когда я оторвала взгляд от размашистой подписи декана, профессора в комнате уже не было. Студенты, не удивленные его отсутствием, занимались своими делами: кто-то зарылся в разложенные повсюду книги, кто-то уже мародерствовал в шкафах с реактивами... или что там использовалось в алхимии. Часть, правда, меньше тяготела к учебе и тихо перемещалась к выходу. Подумав, я последовала за ними. А что мне оставалось делать? Судя по всему, учить нас никто не собирался, а вне этих стен можно было провести время с куда меньшей опасностью для жизни и здоровья. Здесь, если даже ничего не взорвется (в пробирке у девушки, мимо которой я проходила, жидкость запузырилась и зашипела), то точно часть здания на голову свалится.

Не тут-то было.

– Куда-то собрались?

За дверью меня поджидал мужчина с планшетом. Стайка пойманных прогульщиков стояла рядом с постными лицами.

– Я думала, занятие кончилось.

– Спустя пятнадцать минут после звонка?

– Но преподаватель ушел...

Мужчина тяжело вздохнул.

– К сожалению, профессор Нава придерживается точки зрения, что алхимия – это искусство, которому нельзя научить, его нужно постигать самостоятельно, методом проб и ошибок. Однако это не значит, что учебный план можно не выполнять. Ян Байер, ассистент профессора Нава. Тема проекта?

– Простите?

– Тема вашего проекта? – он смерил меня задумчивым взглядом поверх очков. – Вам на почту сегодня прислали [силлабус^{\[4\]}](#), читали?

– У меня компьютер был сломан...

Знаю, плохая отговорка. Я бы и сама не поверила. Сломанный компьютер, отсутствие интернета, флешка, которая случайным и определенно волшебным образом размагнитилась на турникете в метро – самые ленивые всегда всё валят на проблемы с электроникой. И до сегодняшнего дня я была не в их числе. Но, с другой стороны, что я могла сказать? Это была правда!

Мужчина посмотрел что-то в планшете.

– Соколова, верно?

– Да.

– Свободны. Но к следующей неделе, будьте добры, подумайте, в какой области хотите защищать проект на экзамене. Остальные – марш в аудиторию.

А ведь обещали просто зачет. Да еще и автоматом. За что?! Если бы знала, никогда бы не согласилась сюда записаться. Я же ничего не смыслила в алхимии, я даже не знала, что это такое; как я могла что-то защищать? Спустившись, я вышла из алхимического корпуса и, глядя себе под ноги, побрела мимо кактусов обратно к общежитию.

Было еще кое-что, что меня беспокоило. Почему меня отпустили? Всех остальных, кто попытался улизнуть с занятий, погнали обратно. Ассистент преподавателя знал мое имя – или, по крайней мере, угадал с первой попытки. И это настораживало. Задумавшись, я не заметила, что впереди кто-то стоял, и на полном ходу врезалась в чью-то спину.

– Извините, – пробормотала я, поднимая глаза.

Ой.

Спина эта (вообще-то бок) была зеленой и пупырчатой. И заканчивалась клыкасто-шипастой головой. Проще говоря, сосредоточившись на своих мыслях и разглядывании земли под ногами, я умудрилась наткнуться на дракона. И на этот раз нас не разделял забор.

Чудовище повернуло голову и плотоядно оскалилось, глядя на меня, судорожно перебиравшую варианты. Драться или бежать? Перцовый баллончик или относительно безопасные стены алхимического факультета?

– Стоять!

От неожиданности замерли мы оба – и я, и дракон. А потом так же одновременно посмотрели в сторону кричавшего. Со стороны факультета криптозоологии к нам спешил... студент, наверное. По крайней мере, если судить по одежде, то вероятность встретить профессора в клетчатой фланелевой рубашке и ковбойских сапогах должна быть существенно ниже. При виде нового действующего лица дракон радостно взвизгнул и похромал (надо было делать ставку на укрытие в корпусе, отметила я) к нему. И парень вовсе не пытался от него спастись. Вместо этого он терпеливо позволил себя облизать (впечатляюще устойчивая нервная система: если бы возле моего уха оказались дюжины острых зубов, я бы так спокойно не стояла) и потрепал его по холке.

– Тише, тише. Чем она тебя так обидела?

Кто, я? Да я тут, между прочим, вообще к смерти готовилась. Второй раз за день. А после этого сама и виновата. Студент перевел взгляд на меня, в его глазах мелькнуло узнавание.

– Эй, это случайно не ты два дня назад при виде Пушка в обморок грохнулась?

Пушка? Какой считающий, что обладает чувством юмора, человек его решил так назвать? Да покажите мне на этой ящерице хоть один волосок! На звук своего имени дракон снова ослабил, заставив меня шарахнуться в сторону.

– Тише, хороший. Она не злая, просто глупая, – что?! – раз драконов боится.

– Глупо было бы не бояться, – не выдержала я. – Почему он вообще не за забором?

– Потому что он ранен, ему пока нельзя к остальным.

Ну да, логично, он ведь хромотал. Чудовище жалобно опустило голову. Как будто специально подставляло, чтобы его погладили и утешили. Ну уж нет! Призвав на помощь всю имевшуюся у меня силу воли, я развернулась и, стараясь не сорваться на бег, пошла обратно в общежитие.

Дойдя до комнаты, я рухнула на кровать. Вернее, не так. Дойдя до комнаты, я

посмотрела тот самый силлабус, после чего, даже не раздеваясь, рухнула на кровать. Сил не было. Я обещала себе не жаловаться и не думать о нормальной жизни, оставшейся где-то там, но... я так не могла. Драконов не существует. Магии не существует. Компьютерные вирусы не заставляют ноутбук летать по комнате. Это все было неправильно, и ничего в моей предыдущей жизни не могло подготовить меня к тому, с чем я столкнулась в ГООУ.

Сколько я так пролежала, я не знала. Только в один момент поняла, что комната наполнилась ароматом ванили и шоколада. Открыла глаза: так и думала, как и в первый вечер, у моей кровати сидела София с чашкой какао.

– Тяжелый день? – сочувствующе поинтересовалась она.

– Ты даже не представляешь, – я взяла в руки чашку. – Спасибо.

Это была благодарность не только и не столько за горячий шоколад. За доброту и участие – в гораздо большей степени. Надо было признать: по крайней мере, с соседкой мне повезло. Уже что-то.

– Зачета по алхимии не будет.

Это было преуменьшением. Без презентации «уникального исследования, имеющего практическую значимость (применение представляется экзаменационной коллегии отдельно) и научную актуальность» (все звучало не так страшно, пока не вспоминалось, что речь шла об исследовании в области чертовой алхимии!) у меня не будет оценки по алхимии, у меня не будет кредитов за пройденный предмет, у меня не наберется достаточное количество кредитов за семестр, меня отчислят, а значит, и убьют... и лучше, пожалуй, об этом пока не думать.

– Мне жаль.

Я пожала плечами. Мне тоже было жаль, но проблема так просто не решалась.

– Лучше скажи, что ты тут делаешь вечером. Я уже привыкла, что ты уходишь после обеда и до утра не возвращаешься.

– У меня сейчас занятия в студии, – она достала из комода рулон с кистями, – пришла захватить сумку.

Значит, она училась на художницу. Глядя на ее мольберт, я гадала, хобби это или что-то большее.

– Разве для рисования не нужен дневной свет? – удивилась я.

– Раньше – может быть. Но современное искусство удобно тем, что ты можешь рисовать хоть в полной темноте во время семибалльного землетрясения, и кто-то все равно сочтет это концептуальным.

Странная точка зрения. Особенно для студента изобразительных искусств.

– Он спрашивал о тебе. Диз.

Это было неожиданно. С чего вдруг она решила вспомнить наглого айтишника?

– Что?

– Диз спрашивал о тебе. Пока ты ходила за кофе. Не подумай, я ничего не сказала...

Да я уже догадалась, что он меня неспроста тогда выпроводил.

– Нет, что он спрашивал?

– О тебе. О том, правда ли ты ничего не знала о ГООУ.

Я застонала. Нет, надо побыстрее придумать какую-то правдоподобную ложь и пользоваться ею как прикрытием.

– Неужели это действительно так странно?

– Не то чтобы совсем странно. Редко. На моей памяти ты здесь третья такая.

Третья – не единственная, уже хорошо.

– На твоей памяти – это за сколько лет? – на всякий случай уточнила я.

– Я здесь восьмой год.

Сколько? Неужели на художника нужно учиться так долго? И во сколько лет она тогда сюда попала? Потому что по ее виду я бы не сказала, что у нас большая разница в возрасте.

– А сейчас такие, как я, в ГООУ есть? – с надеждой спросила я.

– Нет.

Интересно, что с ними стало. Получили дипломы и отправились домой или... София отвела взгляд. Понятно. Лучше об этом тоже не задумываться.

– Слушай, а вы с Дизом хорошо знакомы?

– Учились когда-то вместе.

На информатике или на ИЗО? И то, и другое почему-то было сложно представить.

– Я тогда училась на философии, – пояснила соседка.

Еще, как говорила Алиса, которая была в Стране чудес, страньше. Ладно, не будем углубляться в детали и предположим, что это был один из общих курсов вроде макроэкономики.

– И что ты можешь о нем сказать?

София долго молчала. Так долго, что я даже не ожидала уже услышать ответ.

– Он – не худший из тех, кого можно здесь встретить.

Щедрая оценка.

– Но?..

– Почему ты считаешь, что обязательно должно быть «но»?

По тону. И потому что моей интуиции компьютерщик очень не нравился.

– Но он не из тех, кого можно не опасаться, – наконец сказала София.

Очень полезная информация.

– Еще загадочнее ты не могла сформулировать?

Соседка закинула на плечо сумку и ухмыльнулась.

– Извини, чужих секретов не рассказываю. Ни твоих, ни его. Я пошла, вернусь завтра.

– Подожди! – дверь не успела закрыться. Я набралась храбрости и сумела все-таки задать вопрос: – А ты... тоже из тех, кого следует бояться?

Она тихо рассмеялась.

– Еще как. Вспомни об этом, когда опять решишь завести будильник на восемь утра.

Глава 3. Романтические истории начинаются иначе

– Конечно же, формула Вертера гораздо круче! Сам посуди, никаких проблем с вероятностями, что снижает количество трудностей с векторами...

– Но его система безумно ограничивает силу заклинаний! Если ты возьмешь, к примеру...

– Зато она ограничивает твои шансы попасть на тот свет, дубина! Честное слово, если бы такие, как ты, относились внимательнее к технике безопасности, у нас бы не было проблем с Охотниками!

Осознание, что алхимию я не сдам, стало финальным ударом. Навалившаяся еще в первый день апатия проявила себя в полной мере: последние три недели я провела у себя. Не хотелось ни с кем говорить, не хотелось ничего делать. Я не открывала учебники и не ходила на лекции. Иногда, правда, вылезала на экономику и совместные обеды – Райли бы иначе от меня не отстала. И однажды сделала вылазку в окружавшую университет пустыню. Решила узнать, как далеко она тянется и чем заканчивается. Не сумела: после нескольких часов блужданий я выползла всё к тому же общежитию, хотя была готова поклясться, что шла в обратную от него сторону. Даже компас на смартфоне включила, но стоило ли говорить, что он здесь не работал? Зато принесла в комнату маленький кактус, выкопанный где-то на границе вселенной. Посадила в землю и поставила на подоконник. Сама не знала зачем. Чтобы убедиться, что он действительно существует? Убедилась. Кактус оказался настолько реальным, что после пересадки я два вечера иголки из-под кожи выковыривала.

– Наташа, а ты что думаешь?

Я улыбнулась, извиняясь:

– Простите, ребят, но я ничего не смыслю в заклинаниях.

На меня удивленно посмотрели.

– Вообще-то мы уже пять минут как обсуждаем планы на выходные...

А я опять задумалась о своем и упустила нить разговора. В последнее время со мной такое бывало.

Райли пощелкала пальцами перед моим лицом.

– Кажется, мы снова ее теряем, – сообщила она Максу. – Эй, ты в порядке?

Да не особо, честно говоря.

– Конечно, – бодренько солгала я, не желая вдаваться в подробности. – Так что там с выходными?

Райли внимательно посмотрела на меня и перевела взгляд на Макса. Тот в ответ демонстративно проверил содержимое своего стакана.

– Пойду возьму себе еще кофе. Вам кому-то что-то принести?

– Захвати и мне кофе, – попросила рыжая. – Скинни латте макиато...

– С тыквенным сиропом, корицей и кардамоном, без сахара, – он закатил глаза. – Я помню. Наташа, тебе?

Я покачала головой.

– Ничего, спасибо. Мне сейчас все равно на лекцию бежать пора.

Пожав плечами, он ушел, а мы остались одни. Райли тут же подобралась, словно лисица, учуявшая добычу.

– А теперь признавайся, в чем дело.

– Не знаю, – честно ответила я.

Не то чтобы я была бойцом, но такое поведение мне было несвойственно. Со мной что-то было не так, я это понимала, но... Какая разница? Все равно ничего не изменить. Лучше сидеть тихо и не думать об этом.

Апатия, вязкая, как паутина, окутывала меня плотным коконом, лишая возможности сопротивляться. Было гораздо проще не замечать эти странности, как я игнорировала постоянные пожарные сирены, хаотично меняющуюся погоду за окном – казалось, никого из студентов не удивляло, что в конце сентября у нас толстым слоем выпал снег, хотя за неделю до того было плюс тридцать, – и... магию, существование которой пришлось все-таки признать.

– Тебе нужно отвлечься, – посоветовала рыжая. – Это просто из-за новой обстановки. Заведи хобби, запишись в какой-нибудь клуб, найди себе мальчика... кстати, о мальчиках. Что насчет Макса?

Вот тут ей удалось меня удивить. Я на время отвлеклась от переживаний и непонимающе воззрилась на Райли.

– При чем здесь он?

– По-моему, ты ему нравишься.

– Сомневаюсь, – поморщилась я. – Ему люди вообще не слишком нравятся.

Я все еще помнила его ремарку насчет людей... «обычных», как здесь говорили. Собственно, именно она и приходила на ум каждый раз, когда эти двое опять начинали спорить на свои магические темы, заставляя меня чувствовать себя чужой. Занявшей по ошибке чье-то место.

– Так вот почему ты его избегаешь!

Интересно, и что ее так обрадовало? Потому что в ее голосе сейчас звучала именно что радость. И облегчение.

– Я его вовсе не избегаю! – возразила я.

– Еще как избегаешь, – подтвердил Макс, не вовремя принесший кофе.

Я смущенно отвела взгляд. Ладно, я его избегала. Может быть, невольно, и не то чтобы совсем избегала – просто сторонилась, старалась, чтобы между нами всегда сидела Райли и нам не приходилось оставаться вдвоем, но...

– Мне пора, – засобиравшись я, пока они не успели продолжить этот разговор. Меньше всего мне сейчас хотелось объясняться с Максом. – Лекция. Первая. Не хочу опоздать.

Потому что интенсив по гендерным исследованиям, на который меня записала София и который я точно пропустила бы без ее напоминания, у меня был хотя бы минимальный шанс сдать. Если не заявлюсь, как на экономику, посреди занятия и не забуду отключить телефон.

Подхватив куртку, я сбежала от них и на выходе из столовой столкнулась с как раз входившей внутрь девушкой. Модельная худоба, светлое, почти белое, каре, густо накрашенные глаза... Запоминающаяся внешность, без шуток. Только после неловких извинений мозг понял, что было не так. Я ее знала. Но откуда?

Я застыла в дверях, не обращая внимания на просачивавшийся мимо меня народ. Бред какой-то. Как я могла быть уверена в том, что видела ее, и при этом не помнить где? Я даже не знала, как ее зовут. Так откуда... впрочем, откуда – это было понятно. Вряд ли я знала кого-то из ГООУ в обычном мире, значит, оставалась одна возможность. Первый вечер в университете, до сих пор преследовавший меня во сне. Но не подойдешь же к человеку и не спросишь его: «Извини, я не помню, кто ты, но не можешь подсказать, откуда я тебя знаю»?

Или?..

– Эй! Постой!

Блондинка обернулась и недоуменно посмотрела на меня.

– Мы случайно не знакомы?

Она слегка качнула головой.

– Ну как же, – продолжала упорствовать я, уже не боясь показаться идиоткой, – я точно помню тебя по празднику первого сентября.

В ее глазах, до этого пугающе пустых и равнодушных, промелькнуло что-то, что я не смогла понять.

– Тогда, возможно, и знакомы, – она рассмеялась высоким неестественным смехом. – Только, прости, я плохо ту ночь помню, придется опять знакомиться. Как, говоришь, тебя зовут?

Что значит «я плохо ту ночь помню»? Еще одна? Я посмотрела ей в глаза и невольно отступила назад. Испугалась. Потому что они уже не были пустыми. Но то, что в них отражалось... Я сделала еще шаг подальше от нее и вместо следующего вопроса промямлила:

– Да нет, если не помнишь, то это, наверное, я обозналась, извини.

Поспешно выскочив на улицу, уже там натянула на себя куртку. То, что я увидела... Я не могла это описать, но интуиция подсказывала, что существо, смотревшее на меня, было опасно.

Как она могла так спокойно говорить, что мало что помнит? Если бы я что-то забыла, я бы паниковала до того самого момента, пока не вспомнила бы... Стоп. И где же эта паника? Нет, сейчас-то она присутствовала в полной мере («Вдох-выдох, – напомнила я себе, – вдох-выдох»), но где она была раньше? Почему меня не смутила целая ночь, пропавшая из памяти? А объяснение, которое я себе придумала? Да, последним моим воспоминанием с того вечера был запах выпивки, которую я держала в руках, но я в жизни не напивалась до такой степени, чтобы забыть, что со мной произошло! И ведь я думала, что что-то не сходится, после прихода айтишника думала. Но что произошло потом? Почему я и об этом забыла? Апатия снова подняла голову, настойчиво убеждая меня отпустить эти мысли. Зачем гадать, зачем беспокоиться? Лучше оставить всё как есть. Ну уж нет!

Было ли дело в свежем морозном воздухе или в чем-то другом, но впервые за последние недели я почувствовала, что мыслю ясно. Что-то резко изменилось, словно с глаз сняли повязку и я видела то, что раньше не замечала.

Потеряв время в разговоре с блондинкой, я вбежала в кабинет вместе со звонком, когда свободным оставалось всего одно место в последнем ряду. Делать было нечего, пришлось повесить на крючок куртку и протопать в конец класса. Мой будущий сосед по парте сидел, отвернувшись к окну, и не заметил моего появления, пока я не решилась задать вопрос:

– Здесь свободно?

Мне следовало догадаться. Мне следовало узнать его по серебряному кольцу в ухе, или по браслетам с шипами, или по взлохмаченной черной шевелюре... По случайному стечению обстоятельств, которое уже не казалось таким случайным, рядом с единственным свободным местом сидел Диз.

– Да ты издеваешься!

– Ты, что, следишь за мной?! – вырвалось у меня.

Справедливости ради, выглядел он таким же ошарашенным (и раздраженным), как чувствовала себя я. Недовольно скривившись, он все же смахнул в сторону свои вещи и пригласил:

— Садись.

А ведь других свободных мест не было... Пришлось. Тем более что сразу после звонка в аудиторию влетела преподавательница.

— Значит, так, — молодая коротко стриженная девушка в клетчатой рубашке и джинсах уселась на стол (еще и ногами в воздухе стала болтать — вот уж точно, человек науки) и обвела взглядом аудиторию. — Меня зовут Карин Лонасси, многие из вас знакомы со мной по курсу менеджмента разнообразия. Привет всем. Как некоторые уже знают, а остальные узнают об этом сейчас, я не верю в теорию, поэтому никаких учебников, никаких слайдов, только примеры и здоровая дискуссия...

— Что ты здесь делаешь? — конспиративно прошипела я Дизу, пока шло вступление. — Только не говори, что тебе интересно.

После помощи с компьютером я его не видела и о нем не слышала. На три недели он испарился, и вдруг, стоило мне наткнуться на нечто странное и непонятное (и связанное с ночью первого сентября, которой он по каким-то причинам интересовался), как вот он — не только на одной лекции со мной, но и за одним столом.

Совпадение?

Вряд ли.

Диз весело на меня посмотрел и поспешил заверить:

— Мне интересно.

Преподавательница спрыгнула со стола и подошла к доске.

— Стереотипизация. Объектификация. Фетишизация. Геттоизация, — интересно, сколько еще слов с окончанием «-ация» можно было назвать? Или, скорее, придумать, потому что я сомневалась, что хотя бы половина этих терминов существовала в правильном русском языке. На доске стали появляться надписи, сделанные крупным размашистым почерком. — Что общего у этих проблем? Еще одна проблема, объединяющая все вышеперечисленные: репрезентация. Или, правильнее сказать, ее отсутствие.

— Это же гендерные исследования, как они могут быть тебе интересны? — даже я оказалась здесь только благодаря Софии (которая тоже считала, что это любопытный и увлекательный предмет, — опять они с Дизом мыслили в одном ключе) и обещанной легкой оценке.

Мой новый вопрос позабавил его еще больше, чем предыдущий.

— Что, не веришь в равноправие полов?

— Я из России, — напомнила я. — После истории двадцатого века я вообще не верю в утопии.

— Поговорим сегодня о кинематографе. О Голливуде. В прошлом году в ста самых успешных фильмах только пятнадцать процентов главных персонажей были женского пола. И если вы думаете, что со второстепенными персонажами дело обстояло лучше, то ошибаетесь: только двадцать восемь процентов ролей со словами были отданы женщинам. То есть в среднем на трех персонажей мужского пола приходился один персонаж женского пола, и то благодаря наличию в топ-100 так называемых «женских» фильмов, где количество мужских и женских персонажей было примерно одинаковым...

Не выдержав, я дернула его за рукав футболки:

– Так зачем ты здесь? И не ври про «интересно», все равно не поверю. Ты же мужчина!

Чем ему мог быть интересен предмет, почти полностью состоявший из историй про женщин и ущемление их в правах?

– Как и половина группы, – заметил айтишник.

Я подняла голову и посмотрела на класс. Да... В такие моменты ярче всего чувствовалась разница между мной и большинством студентов ГООУ, выросших в других полушариях (или в иных мирах, если верить Софии).

– Ладно, раз не согласишься... Такие предметы хорошо выглядят в CV^[5].

Этот мотив выглядел правдоподобнее.

– И все? – недоверчиво уточнила я.

– А что тут еще может быть?

Я не знала. Может, я перебарщивала с эмоциональной реакцией... Возможно, и не было ничего удивительного в том, что в университете, где училось несколько десятков тысяч человек и каждый сам составлял себе расписание, два студента внезапно оказались на одном и том же курсе.

– Эй, галерка! – окликнула нас преподавательница. – Диз!

– Да, мэм? – айтишник при этом был сама невинность.

– Харэ болтать, успеете потом познакомиться, – грозно велела она. – Вам еще вместе проект делать.

Ой... Скажите, что это необязательно и можно поменять партнера.

– Так вот, как я упоминала, и это всё несмотря на то, что, по данным Американской ассоциации кинокомпаний, большую часть аудитории кинотеатров составляют женщины. А теперь перейдем к теме сегодняшнего занятия, – Карин достала из сумки два диска. – «Мстители» или «Стражи Галактики»?

А вот к такому методу преподавания я, пожалуй, могла бы привыкнуть. Правда, насладиться фильмом не дали: процесс демократического голосования нарушила пожарная сигнализация. Наш коллективный вздох при этом удивительно хорошо рифмовался со словом «опять».

– Ладно, так и быть, свободны, – махнула на нас рукой преподавательница. – И что мне с вами делать, тунеядцами... Домашнее задание: найти один фильм, рассчитанный на гендерно нейтральную аудиторию, где количество персонажей женского пола и мужского будет хотя бы примерно равно, и десять фильмов, где мужских персонажей будет больше. Поверьте, второе гораздо проще.

Студенты с отсутствующим видом покивали и потянулись к выходу. Причина, по которой включилась сирена, обнаружилась на первом этаже: из распахнутых дверей коридора бурным потоком лилась вода. Преодолев затопленный холл, я направилась к себе... только для того, чтобы обнаружить с независимым видом идущего рядом айтишника. Пройдя полпути к общежитию, я не удержалась и спросила:

– Ты, что, специально за мной идешь?

– Знаешь, крошка, – ну вот, а я уже забеспокоилась, куда делось раздражающее обращение, – твоя паранойя умиляет. Это врожденное, или у тебя есть какие-то причины?

Не дождавшись от меня ответа (а как бы он прозвучал? «Да, у меня есть причины тебя подозревать: ты мне не нравишься»), он продолжил:

– К твоему сведению, я иду к себе. Я же говорил, мы соседи.

Говорить-то говорил, только я не особо поверила. Но доказательств у меня не было,

потому я промолчала. И молчала до самого общезнания, что моего попутчика, кажется, совсем не смущало. Вместе со мной он вошел в лифт и нажал шестую кнопку.

– Соседи, – напомнил он мне, когда я вновь окинула его подозрительным взглядом.

Ну да, конечно.

– О, – на выходе из лифта мы столкнулись с Леонор, – ты все-таки ее нашел!

Она приветливо улыбнулась, не обращая внимания на выражение наших лиц. Диз, услышав ее слова, недовольно скривился, и, хотя он мгновенно принял уже знакомый мне невинный вид, я отметила его первоначальную реакцию. Я же... я была несколько удивлена. «Нашел»? Что она хотела этим сказать?

– Наташа, как хорошо, что я тебя встретила, – продолжала щебетать главная по этажу. – Ты бы не могла передать Софии эти письма? И напомни, что ее искали из меда, путь им позвонит...

– А почему ты сама ей это не скажешь?

Растерявшись под ее напором, я приняла стопку конвертов (машинально отмечая обратный адрес: Румыния), хотя играть в испорченный телефон совсем не хотелось. И вообще у меня сейчас была более насущная проблема, пытавшаяся под шумок испариться. Совсем не странное поведение, совсем...

– Наташа? – на звуки наших голосов из коридора выглянул Макс.

Только его сейчас не хватало. Внимательно посмотрев на Диза, Макс перевел взгляд на меня и уже собрался что-то сказать, как айтишник, воспользовавшись сутолокой у лифта, быстро попрощался и сбежал в свое крыло. Черт, а ведь я только собралась задать ему пару вопросов!

– Минуту, – предупредила я блондина и нырнула вслед за Норой к ней в кабинет. По крайней мере, она еще никуда не исчезла. – Что ты имела в виду, что он все-таки меня нашел?

Похоже, работа главной по этажу была не из легких. Когда бы я ни видела Леонор, она постоянно куда-то спешила, пыталась заниматься десятком дел одновременно и, даже разговаривая с тобой, раздумывала над одиннадцатым. Вот и сейчас она рассеянно ответила мне, перебирая какие-то бумаги.

– Как это что? То, что он просил у меня твой номер телефона, конечно. Кстати, не забудь к пятнице принести мне список покупок, я от тебя за эти недели так ничего и не получила.

– Когда?

– Что когда? В пятницу, я же сказала...

– Когда Диз спрашивал у тебя мой номер? – терпеливо уточнила я.

А ведь я была права, когда утверждала, что не дала бы ему свой телефон сама!

– Ах, это... Так второго, сразу после праздника, – она посерьезнела и взглянула на меня. – А в чем дело?

Хотела бы я и сама это знать.

– Диз говорил, зачем ему он?

Леонор недоумевающе захлопала глазами.

– А зачем вообще спрашивают телефон девушки?

Чтобы позвонить. Только это был не наш... не совсем наш случай. Потому что обычная схема из знакомства, флирта и свидания не предусматривала подозрительных обстоятельств, потери памяти и лавкрафтианского вуза.

Зайдем с другой стороны.

– Как он объяснил, почему спрашивает мой номер у тебя, а не у меня?

– Сказал, что познакомился у костров с новенькой по имени Наташа, а телефон у нее взять забыл. Спросил, не знаю ли я тебя.

– И ты в это поверила?

Потому что я – не очень. Хотя после ее рассказа и оставался вопрос, как айтишник узнал мое имя.

– Конечно, – удивилась Нора.

– И дала ему мой номер?

– Конечно, – повторила блондинка. – А что, не надо было? Это же Диз...

Вообще-то нет. Мне всегда казалось, что это логично: если девушка не дала парню номер своего телефона, значит, на то были причины, и достаточно весомые, чтобы никто другой не пытался «помочь» и исправить ее «оплошность». И что значило «это же Диз»? Потому что, если кто-то здесь намекал, что, раз уж мной заинтересовался парень, которого легче было бы представить на обложке какого-нибудь глянцевого журнала, чем в пыльном кабинете IT, то я должна прыгать от счастья и не замечать, что здесь что-то сдохло, я этого кого-то немножко убью, честное слово. Признаю, с объективной точки зрения это было бы естественно и логично. Если бы у меня не было иммунитета, полученного горьким и противным путем.

Но он был. И очень мешал радоваться подобному вниманию.

– Мне кажется, это мило. Он так настойчиво уговаривал меня поделиться твоим телефоном или хотя бы сказать номер твоей комнаты, искал тебя специально... Знаешь, – мечтательно улыбнулась Леонор, – по-моему, это звучит как начало романтической истории.

О нет. В нашем случае это звучало как начало чертова детектива. Шпионского романа. Того ужасика про серийного маньяка-психопата, про который вы знаете, что не стоит смотреть его посреди ночи, но все равно включаете.

Ладно, возможно, с последним я немного преувеличила, но девушка никогда не может быть слишком осторожной.

– Это все, что ты хотела спросить? – минута, которую мисс Я-здесь-для-того-чтобы-тебе-было-комфортно была готова потратить на меня, прошла, и Нора снова вернулась к делам. – Если да, то не забудь, пожалуйста, про список.

Макс стоял все там же, скрестив руки на груди и прислонившись спиной к стене. Вздохнув, я нацепила на лицо улыбку и побрела извиняться. А мне было за что. Это было несправедливо – обвинять его чуть ли не в расизме, куклуксклановстве и отношении к людям как у слизериновцев к маглам (и хотя я не успела озвучить это Райли за обедом, я же так думала! Значит, вина моя существовала) на основании одной фразы.

– Давно ждешь? – спросила я, подходя к нему.

– Да нет. Честно говоря, я оставил тебе записку и уже уходил, но ты вернулась... Слушай, а кто тот парень, с которым ты пришла?

Как так получалось, что стоило Дизу появиться, как все начинало крутиться вокруг него?

– Никто. Однотруппник, мы с ним на гендерные исследования вместе ходим. А что?

– Ничего. Показалось...

Судя по задумчивому выражению лица, это было вовсе не ничего, но я не стала продолжать тему и вместо этого приступила к покаянию.

– Не знаю, сколько ты услышал сегодня из нашего с Райли разговора, но ты все не так

понял... – Я прикинула кое-что в уме и была вынуждена исправиться: – То есть, возможно, ты понял так, но... Я хотела сказать, я не... Я имела в виду...

Я не умею просить прощения. Очень стараюсь, но у меня никогда не получается нормально, чтобы это выглядело искренне и не пошло. А ведь я хотела извиниться. Макс мне нравился. Быть может, немного меньше после Той Самой Фразы, но все же... С ним было спокойно. У него был тот особый вид обаяния, когда от одной только его уверенной приободряющей улыбки сердце переставало бешено колотиться, а мысли приходили в порядок. Не в этот раз, правда.

– Короче, твое отношение к людям... или твои отношения с людьми – это совершенно не мое дело, и я не хочу, чтобы ты подумал, будто я осуждаю или даю вообще какую-то оценку, потому что, как я уже сказала, это совершенно не мое дело...

Кажется, я от Райли заразилась. Макс, похоже, подумал о том же, потому что улыбнулся и терпеливо подождал, пока я сама не выдохнусь.

– Может, дашь мне самому сказать? – поинтересовался он, когда я закончила.

– Ты прав, – согласилась я. После такого позора я на что угодно бы согласилась. – Говори.

– Пригласишь к себе?

Заметив, как я колебалась, подыскивая вежливую и тактичную причину для отказа, Макс подошел к вопросу с другой стороны.

– Хочешь узнать, кто такие Охотники?

Конечно, я хотела! А он знал, чем меня зацепить.

– Проходи, пожалуйста, – я быстро отперла дверь.

В комнате Макс с любопытством огляделся, подошел к мольберту и нервно закашлялся, рассмотрев стоявшую на нем незаконченную картину. Я его понимала: София тяготела к абстракции. А еще у нее был красный период, в результате чего стоявший на мольберте холст изображал что-то, удивительно похожее на вываленные наружу окровавленные человеческие внутренности.

– А у вас тут уютно...

– Ты хотел рассказать про Охотников, – напомнила я.

– Сначала я хотел извиниться, – смущенно покосившись на разобранные кровати, сокурсник примостился на краешке единственного в комнате стула. – Мне следовало подумать о выборе слов.

Судя по виноватому виду, Райли не только со мной успела сегодня поговорить.

– Просто я не подумал, что ты... будешь считать себя человеком.

– А кем же еще? Я и есть человек.

– Нет, – последовал жесткий ответ. – И лучше тебе как можно скорее перестать так думать.

Я удивленно (и несколько возмущенно: мое дело, что мне думать и считать) посмотрела на Макса – не то чтобы я хорошо знала его, но подобная категоричность мне показалась не в его духе.

– Это почему же, интересно? И что ты вообще имеешь против людей, раз уж на то пошло?

Я зареклась задавать этот вопрос еще в первый день, когда встретила Макса, но... благие намерения никогда не выдерживают проверки реальностью. Он пожал плечами.

– Скорее, вопрос в том, что они имеют против нас. Ты скоро сама поймешь.

Я была уверена, что не пойму.

– На самом деле те, кто не знает про нас, еще ничего, но вот знающие... Как ты думаешь, кто такие Охотники? – неожиданно спросил он.

Монстры, которых боятся сами монстры? Боюсь представить.

– Они люди.

А вот это звучало как-то даже... разочаровывающе. Люди? Что они могли противопоставить магам, колдунам и прочим кошмарам из детских сказок?

– Люди, которые знают о нашем существовании. Знают о нашей силе, о наших возможностях. И как, по-твоему, они после этого к нам относятся?

– Судя по твоему тону, они вас ненавидят, – предположила я.

– Нет, что ты, – в его голосе появились саркастические нотки. – Ненавидят – это еще мягко сказано.

– Ты преувеличиваешь. Не могут же они все...

– Могут, еще как.

Он говорил слишком уверенно для человека (специально для Макса: для не-человека), знающего об этом только понаслышке.

– Что, личный опыт? Враги сожгли родную хату, убили всю твою семью?

Судя по выражению его лица, шутка оказалась не совсем удачной. И не совсем шуткой. Я испуганно прижала ладонь к губам.

– Прости...

– Все в порядке, – отмахнулся он от моих извинений. – Это было давно и вовсе не так трагично, как ты думаешь.

– Что произошло?

– Мой отец работал на них, – заметив мое удивление, он прервался. – Часть Договора. По нему тринадцать наших самых старых и сильных родов должны отдавать своих первенцев на службу к Охотникам – иначе откуда бы те узнали, как нас убивать?

Я сложила два и два. Макс упоминал только об одном брате, младшем.

– И ты...

– И я, – согласился он. – После учебы.

Спустя некоторое время он продолжил:

– Нам сказали, что произошел несчастный случай. Никого, кроме напарника отца, рядом не было, но... в теле, котором нам отдали, было четыре пулевых отверстия.

Мне нечего было на это сказать. «Не так трагично», как же!

– Но почему они вас ненавидят?

Он снова пожал плечами.

– Страх. Зависть. Обычным людям сложно относиться к нам иначе.

– Я человек, но я тебя не боюсь и тебе не завидую, – напомнила я.

– Ты не человек. Ты попала в ГООУ, что лучшее тому доказательство. – С этим аргументом можно было поспорить: я лично подозревала какую-то жестокую ошибку, но мне не с кем было поделиться своими предположениями. – И, поверь, для твоего же блага: переставай так считать. Иначе тебя ждет большое разочарование.

Опять двадцать пять. Мне уже не хотелось продолжать этот разговор – слишком тяжелым и муторным он оказался. Да и спор, в котором не переубедить ни одну из сторон, лишен смысла. И кто решил, что я сегодня жажду получить очередной совет на тему, как мне лучше жить?

– Ладно, – я вздохнула. – Послушай, спасибо за желание помочь, но ты ошибаешься. Я человек. У меня нет никакой магии, я обычный человек, который живет и собирается жить обычной жизнью.

Вопрос, правда, был в том, насколько после ГООУ я смогу вернуться к обычной жизни. Но пока я предпочитала об этом не задумываться – если в ближайшее время ничего не изменится, волноваться о будущем мне все равно не придется. Отчислят...

– Спорим? – криво улыбнулся Макс. – По-любому скоро узнаем.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросила я.

За месяц в ГООУ я выучила важный урок: сюрпризы и неожиданности приятными не бывают.

– У нас на следующей неделе введение в теорию магии начинается, там и проверим.

Что?!

– Даже если начнется, при чем здесь я?

– Ты же вместе с нами записана на него, – удивился он. – Ты показывала свое расписание.

Скажите мне, что это ошибка. Мало мне алхимии! Я метнулась к письменному столу, где в ящике лежала бумажка с курсами, на которые я записывалась. Не зря мне тогда показалось, что в списке предметов, составленном Софией, было больше курсов, чем мы обговорили. Чтобы я еще раз доверила ей свое расписание!

В отчаянии я посмотрела на строчку с магической теорией. Я же ее не сдам! Если там кроме теории будет хоть капля практики, мои шансы завалить семестр станут двухсотпроцентными!

– Мне крышка, – простонала я.

– Забей, – посоветовали мне. – Все будет в порядке.

Конечно будет. А когда меня отчислят, все станет вообще хорошо...

– Эй! – притворно (или все-таки искренне?) обиделся Макс. – Мы с Райли тебя бросать не собираемся. Поможем. Так что смирись, магию ты не завалишь.

Я только горько усмехнулась. Не то чтобы я не верила в их помощь. Я не верила в себя.

Он встал со стула и кое-как пригладил взъерошенные волосы.

– Значит, все еще утверждаешь, что ты человек? – Я кивнула. – Что ж, скоро выясним. Закроешь за мной?

Я машинально поднялась вслед за Максом, все еще думая над его словами. И об Охотниках, и об учебе.

– Кстати, – остановился он в дверях. – Еще одна тема. Райли была права, – не нужно было уточнять, насчет чего именно она угадала. – И, раз уж мы выяснили, что люди мне не нравятся, может, захочешь как-нибудь выпить кофе?

Мы и так пили кофе вместе. Практически каждый день. Но я понимала, на что он намекал.

– Может, в другой раз? – я отвела взгляд. – На меня сейчас столько всего навалилось...

В другой раз. В другом мире. В другой жизни. Возможно.

И не вздумайте меня укорять за отговорки, в этой была доля правды. Я сейчас узнала слишком много нового, чтобы думать о кофе и о том, что могло бы за ним последовать.

– Ладно, – согласился он. – В другой раз.

В его голосе звучало обещание, которое при иных обстоятельствах меня бы обрадовало. Сейчас... Я не была уверена. Закрыв за блондином дверь, я прижалась к ней спиной и

медленно сползла вниз.

Плохие новости: у меня появилась еще одна проблема кроме алхимии. Хорошие: меня пригласили на свидание! От которого я отказалась, так что не факт, что не надо было занести этот пункт в предыдущий столбец.

Наверное, я дура. Наверное, я еще могла бы догнать его и поменять свое решение. Но вместо этого мои мысли плавно перетекли на другие, более насущные темы. Введение в теорию магии... Мне конец.

При том что в целом Райли дала мне дельный совет сегодня, с одним она промахнулась. Я не нуждалась в хобби. Оно у меня уже было – и не надо утверждать, что паранойю и теории заговоров нельзя считать хобби. А вот от подработки я бы не отказалась. Тем более от такой, которая и с проведением досуга могла бы помочь.

Объявление о вакансии я заприметила еще в первый раз, когда просматривала информационную макулатуру в холле общежития. Но почему-то забыла о нем на несколько недель... Сейчас, спустившись на первый этаж, на секунду испугалась, что его уже сняли, но нет. Нужный мне клочок бумаги висел на своем месте, только теперь его закрывали сообщения о том, что срочно требовались дегустаторы на кулинарный факультет и в кафе корпуса омега-омега-омега (я вздохнула: неужели на алхимическом факультете думали, что кто-то на это купится?). Аккуратно отцепив объявление, я посмотрела на знакомый адрес и вышла на улицу.

Центр коммуникаций несколько поменял свой облик с тех пор, как я была там в последний раз. В стенах появились окна, причем такие пыльные и грязные, будто они стояли там как минимум лет двадцать – и за все это время их ни разу не вымыли.

Зато дверь исчезла.

Я обошла здание по периметру, пытаюсь отыскать вход. Следовало просто поверить в реальность происходящего: окна появились, дверь пропала. Видимо, у них была ротация. Перепрыгивая через сугробы, подобралась к одному из окон высокого первого этажа, находившемуся неподалеку от места, где совсем недавно располагался дверной проем, и постучала по стеклу. Мгновенно окно открылось, и на улицу высунулась всклокоченная голова.

– Привет, – вежливо поздоровалась я. – А как можно войти в коммуникационный центр?

Вместо ответа мне протянули руку. С ее помощью я кое-как перевалилась через подоконник и оказалась внутри.

– Серьезно? – поинтересовалась я, переводя дух. – И это единственный вход?

– Сегодня – да. Ты к нам или куда-то еще?

Я бегло пробежалась взглядом по комнате. Шесть письменных столов, заваленных бумагами так, что рассмотреть лакированную поверхность не представлялось возможным, пробковая доска на стене, на которой в беспорядке висели фотографии и заполненные неровным почерком списки. На другой стене – огромный телевизор, включенный на полную громкость. Судя по визуальному ряду, на нем шли новости. Странно, я думала, в ГООУ не было телевидения... А нет, ошиблась, закадровый смех подсказывал, что на экране шла запись юмористического шоу. Рядом с телевизионной панелью кто-то повесил благодарственное письмо от ректора и первую страницу газеты. Похоже, я попала туда, куда хотела. В редакцию ежемесячной студенческой газеты ГООУПиОАатСДиРН.

– Я к вам! – сообщила я, пытаюсь перекричать телевизор. – По объявлению! Вам все еще

нужен младший редактор?!

На меня странно посмотрели. Потом вихрастый парень подошел к столу, раскопал пульт и убавил громкость.

– Одну секунду, – предупредил меня местный журналист и выглянул в коридор. – Моника!

Пришедшая на его зов мулатка была очень красива. А еще выглядела очень, очень профессионально: белая рубашка, узкая юбка-карандаш, черные лодочки. Длинноносый парень, затащивший меня внутрь, кстати, несмотря на прическу, знавшую лучшие времена, тоже выглядел весьма серьезно и щеголял деловым костюмом и очками в строгой роговой оправе. У меня появилось ощущение, что я со своим красным пуховиком, потрепанными джинсами и рюкзаком с совами не совсем впишусь в коллектив, если меня возьмут.

– Она хочет стать младшим редактором, – объяснил журналист Монике.

Мне подарили очередной полный сомнения взгляд. Почему-то с момента поступления в университет я только такие и собирала.

– Ты хочешь попасть к нам в редакцию, чтобы получать от лобби взятки за сокрытие информации? – поинтересовалась она у меня.

– Н-нет...

Мне это в голову не приходило. А какие в ГООУ были лобби?

– Ты хочешь стать журналистом, потому что считаешь необходимым раскрывать людям глаза на правду и доносить до них истину несмотря ни на что? – спросил оставшийся пока безымянным член редакции.

– Да нет...

Будем откровенны: это были странные вопросы. И сами сотрудники редакции тоже были странными. Может, еще было не поздно дать обратный ход?

Мои ответы, судя по всему, их удовлетворили. Они кивнули друг другу, и Моника жестом передала слово своему коллеге.

– В таком случае ты принята, – возвестил он.

И всё? Никаких расспросов про мою квалификацию, ничего?

– Добро пожаловать, твое место будет там, в углу.

Я посмотрела на указанный стол. Единственный из шести, он был покрыт не только продукцией бумажно-целлюлозного характера, но и очень толстым слоем пыли. Давно, видимо, они ищут младшего редактора... Совсем уже отчаялись, вон как подозрительно легко меня взяли. Интересно, почему? В голове разом замигали метафорические красные лампочки, намекавшие, что отсюда нужно делать ноги.

С другой стороны... Двенадцать часов в неделю и три сотни цветных не-рублей...

– А... какие будут у меня обязанности? – осторожно спросила я.

– Отбор и редакция статей, которые нам присылают, можешь писать свои, в этот номер уже не успеешь, нам его сдавать через четыре дня, но, если начнешь со следующего, мы будем рады, – перечислял, загибая пальцы, мой новый начальник. Пока в списке не было ничего опасного. – Подбор иллюстраций к статьям и выбор фотографий, сегодня Жако нет, но мы тебя с ним познакомим, это наш фотограф, административная работа и... если не трудно, кофе никогда не помешает. Справишься?

Триста условных единиц заплескали перед моими глазами. Конечно, справлюсь. Даже с кофе – в крайнем случае, столовая тут недалеко.

– Да, – твердо пообещала я.

– Вот и замечательно! – расцвел парень.

Согласна. Замечательно. Но почему они так долго не находили никого на этих условиях? Со стороны коридора послышалось деликатное покашливание. Я вздрогнула: в оглушающей после телевизора тишине я не слышала шагов. Символически постучав в открытую дверь, к нам подошел мужчина, показавшийся мне смутно знакомым.

– Мессир Джонатан! – с благоговением поприветствовал его журналист. А я вспомнила, где его видела: в ректорской приемной в первый вечер. – Мы как раз приняли в штат новую сотрудницу. Познакомьтесь, это... – тут он понял, что так и не узнал моего имени.

– Наташа Соколова, – ответил за меня секретарь ректора. – Доброго дня.

Только вот взгляд его не сулил мне ничего хорошего.

– Оливер, – рассеянно представился парень. – Очень приятно. Это Моника, а с остальными мы тебя потом познакомим. Так с чем вы к нам, мессир?

– Господин ректор попросил передать вам свое обращение, – мужчина протянул Оливеру белый конверт. Когда они так говорили о ректоре, нормально и спокойно, было легко представить на месте тентаклевого монстра какого-нибудь благообразного старичка. – Значит, вы нашли нового редактора?

– Так точно, мессир. Вы имеете что-то против? – спросил мой новый шеф.

Похоже, даже до Оливера стало доходить, что что-то здесь неладно.

– Нет, что вы. Хотя я бы на месте мадемуазель Соколовой, – он снова перевел взгляд своих блеклых глаз на меня, – сейчас сфокусировался на учебе.

Я поникла. Даже ректорский секретарь знал о моем неминуемом провале с алхимией. Пропущенные занятия, невыбранная тема... Впрочем, теперь я была намерена еще побороться. Я подняла голову и расправила плечи.

– Я фокусируюсь... мессир. Честное слово. Я все исправлю.

По крайней мере, что смогу. Но просто так не сдамся.

«Так держать, – подумалось мне. – Осталось сохранить этот настрой до следующей лекции. И снова всё не забыть...»

Секретарь мягко рассмеялся.

– Надеюсь, мадемуазель, – он старомодно поклонился. – Желаю вам удачи в этом нелегком деле.

Судя по тону, это было предупреждение. Но все равно спасибо. Потому что я подозревала, что удача мне пригодится.

Глава 4. Призрак первой соседки и кровь в холодильнике

Сколько я себя помнила, я была «жаворонком» и бодро начинала день. Но шесть утра... Это было слишком рано даже для меня. Не знаю насчет содержания кофеина в чае, но последний тоже не помог: раскладывая на кухонной поверхности у окна, единственном в такой ранний час более-менее светлом месте в нашей комнате, кисточки и палетки с тенями, я откровенно зевала – и несколько раз чуть не промахнулась, пытаясь вместо румян зачерпнуть кистью содержимое чашки с апельсиновым соком.

Соседка, в это время готовившаяся ко сну (счастливая!), с интересом следила за моими приготовлениями.

– Впервые вижу, как ты встаешь на час раньше, чтобы накраситься, – заметила София, тщательно скрывая любопытство. – Из-за кого-то конкретного?

– Из-за Райли.

Последовала неловкая пауза, во время которой я умудрилась ткнуть себе в глаз кисточкой для туши и зашипела от досады.

– Ты хочешь мне в чем-то признаться?

– Да нет же! – глаз слезился, и я быстро заморгала, пытаясь не размазать косметику еще больше. – Не в том смысле. Просто...

Просто я не могла обойтись тушью, бальзамом для губ и растрепанным пучком рядом с кем-то, кто выглядел, словно провел последние три часа в салоне красоты, – и это в любое время дня и ночи! У меня тоже есть гордость, и так пострадавшая в последнее время.

Вспомнив про занятие по магии (София в итоге призналась, что, воспользовавшись моим состоянием в первый вечер, записала меня туда без спроса. «Все равно курс обязательный», – виновато сказала она; пришлось ее простить), нанесшее моему это сокрушительный удар, я скисла. Как и следовало ожидать, я оказалась права, предвещая себе фиаско.

Началось все с того, что, войдя в класс, я увидела всего полтора десятка стульев, расставленных в пустом помещении по кругу. Отбросив непрошенные ассоциации с сеансами групповой психотерапии и пожалев о том, что укрыться от внимания преподавателя в заднем ряду не удастся, я заняла место по соседству с Райли и постаралась сделаться как можно незаметнее.

Я уже обратила внимание на определенную тенденцию в ГООУ: преподаватели здесь редко походили на нормальных преподавателей. Большинство не заморачивались своим видом и вообще мало отличались от студентов. Так и этот профессор, наплевав на условности, явился к нам в джинсах, растянутой футболке с нарисованным на груди черепом единорога и морковно-рыжими волосами, стянутыми в неаккуратный хвост на затылке.

– У любой магии есть три составляющие, – вещал он. – Знак. Языковой – то самое заклинание, которое вы знаете, – или изобразительный. Концентрация. Фокус на требуемом вам эффекте, без которого вы не сможете поднять в воздух и муравья. И сила. Что это такое, думаю, объяснять вам не надо.

Нет, почему же. Я бы послушала.

Несмотря на все разговоры о магии и на все то, что мне довелось увидеть в ГООУ, я с

откровенным скептицизмом относилась к идее, что сама обладала магией. Я была простым человеком. Что я тут вообще делала? Увы, кроме ректора, едва ли кто-то знал ответ на этот вопрос, – а его я боялась спрашивать повторно.

– Многие считают, что все три составляющие необходимы. Что ничего не выйдет, если не произнести «абракадабра» или не нарисовать пентаграмму. Однако это не так. Все, что вам нужно, – это воспоминание, образ, упрощенная модель эффекта, которого вы хотите достичь, присутствующая в вашей голове. Вы меня понимаете?

Класс вразнобой покивал и прогудел что-то условно утвердительное.

– Уверены? – профессор не поддался на нашу уловку. – Тогда разберем это на примере. Огонь. Самая легкая из всех стихий для новичков, самая близкая нам. Чтобы призвать его, какие заклинания вы знаете?

Аудитория понемногу втянулась в обсуждение, предлагая свои варианты. К тому времени, когда идеи закончились, на доске красовалось уже два десятка вариантов – большинство из которых, правда, всего лишь означали «огонь» на разных языках. Как оригинально.

– Верно. Но зачем вам они? Если вы можете просто представить себе жар пламени и... – он вытянул вперед кулак и развернул его ладонью вверх. На ладони за плясал оранжевый огонек. Снова сжав пальцы и потушив его, он обратился к нам: – Кто может повторить?

Первым тот же трюк продемонстрировал Макс. Мне уже доводилось видеть этот фокус, но все равно огненный цветок, распускавшийся над его пальцами, казался нереальным. А вот за ним, как ни странно, вызвалась Райли. Ее огонь был ровным и спокойным, как пламя свечи, но не менее сильным.

Макс удивленно поднял брови. Его губы упрямо сжались, и я поняла, что за этим последует: я почти каждый день слушала и смотрела, как эти двое спорщиков пытались выяснить, кто из них круче. Теперь им представился случай сделать это не только на словах. Макс добавил силы, и огонь в его руке разгорелся ярче. Райли не отставала. Он прибавил еще, заставляя пламя вытянуться в воронку. Райли сделала то же самое. Когда высота воронки достигла почти метра, рыжая, видимо, дошедшая до своего предела, – со своего места мне было видно, как устало подрагивали ее пальцы, – потянулась свободной рукой к одной из подвесок на браслете.

– Достаточно, – прежде чем она успела сжать ее в кулаке, вмешался преподаватель. Я почувствовала, как на секунду стало нечем дышать, будто из пространства вокруг откачали воздух, и пламя мгновенно потухло. – Еще кто-нибудь хочет повторить? Может, ваша соседка?

Я перегнулась через спинку стула, рассматривая, кто занял место справа от Макса. Увы, не девушка. Значит, преподаватель обращался ко мне, предлагая продемонстрировать свои умения.

Да, конечно. Одну секунду. Только волшебную палочку из Косого переулка заберу.

– Как скажете, мисс, – неожиданно покладисто согласился профессор с моим отказом. Слишком покладисто. – Однако к концу занятия я ожидаю от каждого из вас того, что показали эти двое, – класс застонал. – Ладно, хотя бы того, что они показали в самом начале, – настроение в аудитории от такой поблажки не сильно улучшилось. – Хорошо, хорошо. Сегодня, так и быть, можете еще пользоваться своими заклинаниями. Но чтоб хоть малюсенький огонек вызвали. Считайте это тестом – должен же я узнать, с кем имею дело. А

теперь за работу, тренируйтесь.

Тренируйтесь. Легко сказать. Я посмотрела на доску и ради смеха произнесла одно из заклинаний, сложив руку щепотью, как моя вторая соседка. Разумеется, ничего не произошло. Таким же образом я перепробовала еще десяток формул.

Похоже, этот тест я тоже завалю.

– Просто почувствуй силу, – посоветовала мне Райли.

– Я пытаюсь, – процедила я, замечая боковым зрением, как один за другим мои одноклассники показывают невозможное.

Я честно старалась, хотя даже не понимала, что от меня требовали. Какую силу? Какую магию? О чем вы, люди-нелюди? Мои вроде-как-товарищи наблюдали за первыми попытками с сочувствующим превосходством, за последовавшими – просто с сочувствием, подбадривая меня, за последними – с изумлением. Судя по выражению их лиц (и не только их – к нашей группке уже присоединились все присутствовавшие, сдавшие к тому времени норматив), такого антиталанта они еще не видели.

– У тебя в роду, случайно, никакой нечисти не было? – спросил Макс, когда список неопробованных заклинаний закончился.

Я угрюмо посмотрела на него.

– Только пролетарии.

– Любопытный случай, – с интересом энтомолога, нашедшего доселе неизвестную бабочку и думавшего, как бы поудобнее ее пришить и добавить в коллекцию, рассматривал меня профессор. – Как, говорите, ваше имя?

– Соколова.

Похоже, я снискала определенную известность в преподавательских кругах, потому что этот профессор (мастер Дженсен, вспомнила я имя, которое он назвал в начале занятия) сразу меня узнал. А потом освободил от остатка урока и посоветовал прийти как-нибудь на консультацию.

Это было стыдно.

И сегодня мне опять предстояло подобное унижение: надо было добраться до алхимического факультета и убедить профессора простить мне прогулы. И придумать тему. Тяжело вздохнув, я вернулась в реальность, где София зачем-то распахнула окно.

– Ты, что, выставила кактус наружу? Ну ты и садистка! – возмутилась (или восхитилась, с ней никогда нельзя было понять) соседка. – Там же минус тридцать всю ночь было!

Зима, неожиданно напавшая на ГООУ в конце сентября, и не думала никуда уходить.

– Я не садистка! Это всё для науки, – попыталась оправдаться я и включила диктофон на сотовом, забирая растение внутрь комнаты. – День седьмой. Как и в случае с духовкой, эксперимент провалился. Объект показывает абсолютную нечувствительность как к высоким, так и к низким температурам. Проведя восемь часов при температуре в минус тридцать два с половиной градуса по шкале Цельсия... – продиктовала я и, стряхнув с кактуса выросшую за ночь шапку снега, обнаружила, что малыш не только не умер, но на нем распустились первые бутоны. – Ты мой хороший, – умилилась я и почесала его по свободной от иголок макушке.

Кактус в ответ разве что не замурлыкал и раскрыл еще несколько белых цветочков. Расслабившись от такой гармонии, я чуть не забыла, что опаздываю.

– Куда ты вообще можешь спешить в такую рань? – сонно спросила София, забираясь под одеяло.

– На алхимию. У профессора Нава консультации указаны сегодня с семи до восьми утра. Как думаешь, что это говорит о человеке?

– Псих, маньяк, трудоголик? – предположила она.

Возможно... Хотя последнее определение подходило не столько профессору, сколько его ассистенту. Ох, надеюсь, я ошибаюсь. С мистером Байером, судя по его виду, договориться будет сложнее, чем с его начальником.

До алхимического факультета я добралась за рекордные тридцать минут, на последних метрах расстегивая куртку и разматывая шарф: похоже, в ближайшем будущем нас все же ожидало потепление. Могли бы предупредить! Теперь весь день придется ходить в свитере, изнывая от жары.

– Простите, можно? – поднялась я по скрипучей винтовой лестнице на этаж натурфилософии и постучалась к профессору.

Увы, мужчина, находившийся в его кабинете, выглядел гораздо моложе – и строже.

– Извините, я попозже зайду...

Уйти мне не дали.

– А, Соколова, – поднял на меня взгляд ассистент профессора, Ян Байер. – Мессир Джонатан предупреждал, что вы собирались прийти. Проходите.

Делать было нечего, пришлось войти и присесть на стул для посетителей. И приготовиться слушать упреки – которых не последовало. Вместо этого на стол передо мной бросили пухлую папку.

– Что это?

– Темы проектных работ по вашему курсу за последние десять лет. Я подумал, это облегчит вам выбор.

Но это было еще не всё. Сверху на папку лег потрепанный томик. «История алхимии» Карла Кристофа Шмидера, Лейпциг, тысяча восемьсот тридцать второй год.

– Поскольку для вас, в отличие от большинства студентов, предмет является совершенно новым, вам понадобится начать с самых азов. Здесь дается неплохой обзор исторических алхимических школ, однако, если вы решите углубиться, я составил вам список литературы на первое время.

Я приняла протянутый листок и пробежалась взглядом по первым строкам. Болос из Мендеса, «Физика и мистика», двухсотые годы до нашей эры, Роджер Бэкон «О тайнах природы и искусства и о ничтожестве магии», издание тысяча пятьсот сорок второго года... Пожалуй, пока ограничусь этим «кратким обзором», который, учитывая кегль, был не таким уж кратким.

– Спа...

– Я все равно жду от вас работу к первому ноября, – напомнил ассистент профессора.

– Все равно спасибо, – до сих пор мне еще никто не помогал с учебой.

Он тяжело вздохнул и снял очки, сразу помолодев лет на десять. Должно быть, он был не намного старше меня и закончил университет год-два назад. Смешно на самом деле такого бояться – особенно после ректора и его секретаря. Похоже, мессир Джонатан был не так прост, как казалось на первый взгляд.

– Не за что. Поверьте, никто в ГООУПиОАатСДиРН не старается специально, чтобы вы завалили экзамен. И вам придут на помощь, если вы попросите. Только не пускайте дело на самотек.

– Не буду, – пообещала я.

«История алхимии» неожиданно оказалась интересной. Увлечшись чтением, я и не заметила, как на обратном пути через пустыню под локоть мне ткнулось что-то живое и холодное. Не отрываясь от книги, я протянула руку и погладила шершавую морду. А потом подняла глаза и увидела перед собой еще пару украшенных редкостного качества клыками челюстей.

Купить полную версию книги

notes

Примечания

Британское родовое поместье из одноименного сериала. – *Зд. и далее примеч. авт.*

Машина для перемещений во времени и пространстве из британского сериала «Доктор Кто».

Вымышленное учебное заведение из произведений Говарда Лавкрафта.

Краткое описание учебного курса.

Curriculum Vitae, резюме.